

FULCANELLI
FINIS
GLORIAE
MUNDI

Prólogo de Jacques d'Arès

Оглавление

[Финиш Gloriam Mundi](#)

[Предисловие](#)

[Обложка](#)

[Вступление](#)

[Финиш Gloriam Mundi](#)

[смена полюсов](#)

[алхимический секрет](#)

[Путаница относительно предмета мудрецов](#)

[Изумрудная табличка](#)

[Сопrotивление материи](#)

[Не больше, не меньше](#)

[Умножение](#)

[Оценки](#)

Третья работа Фулканелли, которая была изъята по желанию ее автора из любой возможной публикации, называлась *Finis Gloriam Mundi* («Конец мировой славы»).

Это название также обозначает удивительную картину, хранящуюся в Госпитале де ла Санта-Каридад в Севилье. Это панно размером два метра с каждой стороны было выполнено художником Хуаном де Вальдесом Леалем в 1672 году. На переднем плане вы можете увидеть труп епископа в стадии разложения на дне его гроба. Перед ним лежит голова, а в его гробу, в свою очередь, лежит джентльмен, ничуть не затронутый гниением, чьи открытые глаза и свежесть краски ясно дают понять, что он мирно покоится и, таким образом, избегает износа времени. На заднем плане из облаков появляется рука со знаком распятия, но удивительно женственная, несущая мачту весов, в которой каждый из подносов подчеркнут надписями «больше нет», «больше нет». меньше". Слева, у входа в склеп, изображена сова в иератической позе, символ мудрости, которая серьезно оценивает ситуацию. На заднем плане можно увидеть разбросанные скелеты и кости, которые участвуют в довольно мрачном характере этой сцены под названием *Finis Gloriam Mundi* , на что указывает филактерия, добавленная к первому гробу, настолько тревожная, потому что кажется, что Церковь здесь разрушена навсегда с единственным преимуществом инициатического пробуждения, символизируемое рыцарем, симулирующим смерть.

Фулканелли делает в этой книге с содержанием, отличным от неопубликованного, алхимическую интерпретацию картины в связи с событиями, происшедшими после Второй мировой войны, предупреждая об огромной опасности ядерной гонки и ее остатков для прыжки за пределы, меры предосторожности и философские правила, которые алхимики хранят в секрете с древних времен.

Фулканелли

Финиш *Gloriae Mundi*

ePub r1.4

Титвиллус 29.07.2020

Оригинальное название: *Finis Glorae Mundi*
Фулканелли, 2001 г.
Перевод: Луис Мигель Мартинес Отеро

Цифровой издатель: Титивиллус

база ePub r2.1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Признаюсь, я был удивлен — гораздо меньшему можно было бы удивиться, и я должен даже сказать, что был ошеломлен, — когда в конце июля 1999 года я получил длинное письмо от 25 числа того же месяца, сопровождавшее рукопись с

Название *FINIS GLORIAE* **MUNDI** . Я тут же поискал подпись под этим письмом, мое удивление удвоилось, когда я прочитал последнюю строчку:

С уважением, Фулканелли - Frater Adeptus Heliopolitensis ,

Правда, я хорошо знал произведение, подписанное «Фулканелли», благодаря моему верному другу Эудженио Канселье, с которым через Поля Ле Кура я имел честь и радость познакомиться в 1934 году, когда мне было 9 лет.

Я помню первую фразу предисловия Эудженио Канселье от февраля 1958 года ко второму изданию «Обитатели философов», изданному издательством Omnium Littéraire на Елисейских полях в 1960 году. Даже лучше, чем основатель этого издательства Жан Лаврич, на которой он женился на подруге моей матери, Соне Бентковски, он был редактором «Поля Ле Кура». Благодаря последнему Эудженио Канселье вступил в контакт с упомянутым издателем.

Позвольте мне воспроизвести первое предложение:

«Философские особняки» , которые мы снова имеем честь представить, не должны быть последней книгой Фулканелли. Была и третья часть под названием *Finis Gloriae Mundi* (Конец славы мира), которую автор изъял, и это превратило бы его дидактическую задачу в самую необыкновенную алхимическую трилогию».

Эудженио Канселье посвятил мне копию этого второго издания:

Жаку д'Аресу

в знак верной дружбы

эта работа, которую вы так хорошо знаете

в которой Философ-Адепт

рассмотрел науку для нашего века

закладка материального фундамента

атлантической философии

На авеню де, Елисейских полях,

9 сентября 1960 г.

Э. КАНСЕЛЬЕ

Это факт, что в то время я уже знал «Жилища философов», а также «Тайну соборов». Я читал их в первом издании, в экземплярах, посвященных Эудженио Канселье Полю Ле Куру (с которым мне посчастливилось прожить с 1933 года до его смерти в 1954 году). К сожалению, эти тома исчезли в 1943 году, когда автор «*Эпохи Водолея*» [\[1\]](#) на моих глазах подвергся обыску со стороны гестапо, захватившего значительное количество книг из его библиотеки.

В философско-эзотерической сфере того времени Поль Ле Кур был бы первым, в январе 1927 года и в журнале *Æsculape*, в котором он сотрудничал, чтобы дать отчет о *Тайне соборов*. Кроме того, позже, в январе 1931 года, он опубликовал длинный комментарий к «*Особнякам философов*», который появился под его подписью.

Итак, письмо, которое я получил 25 июля, начиналось так:

"Дорогой Жак,

Вот странный способ поздравить вас с днем святого, и все же мы надеемся, что подарок, который вас сопровождает, не будет тяготить вашу совесть. Мы решили направить нашу последнюю работу ему. Хотя она и носит то же название, это не то же самое, что мы изъяли более семидесяти лет назад из рук нашего верного и доброго ученика Эудженио Канселье. В самом деле, тогда нам казалось, что все *признаки сходятся*, чтобы выявить *modus operandi* сухого маршрута; но время, к сожалению, еще не созрело, чтобы раскрыть секреты *ars brevis*. Наше благоразумие более чем подтвердилось перед лицом той грязной и растущей чумы, которой был нацизм...» [\[два\]](#)

Позже в письме уточнялось:

«Поэтому, освободившись от мути неопытности и приняв во внимание самые последние человеческие глупости, мы в очередной раз запустили наш *Finis Glorie Mundi*. Вам поручение опубликовать его в удобное для вас время, поскольку, идя по своим собственным стопам, нам было бы болезненно снова принять имя «Фулканелли», которое для поддержания нашего спокойствия уже влечет за собой слишком много романтических химер. Но, как вы, без сомнения, знаете, клятва Гелиополиса движет нами и заставляет нас помогать и лечить, и мы не могли больше сдерживаться, не предав его. Однако вам не следует пытаться связаться с нами. Подобно древним розенкрейцерам, мы практикуем *видимое и невидимое пребывание*. Никто не сможет связаться с нами ни из простого любопытства, ни в образовательных целях, и *тем более не* для того, чтобы попытаться заставить нас служить интересам, которые мы отвергаем. По этой причине для связи с вами мы выбрали этот компьютеризированный носитель, более безопасный для нашей анонимности, чем специальная посылка, в которой буфер мог бы дать какие-то указания желающим поиграть в оккультных детективов».

Значит это было; Эта рукопись, сопровождаемая письмом, попала ко мне через Интернет через Европейский центр мифов и легенд, одним из почетных президентов которого я являюсь. У меня есть слабость объяснять, что это объясняет то. Теперь, мне кажется, этот так называемый информационный путь может принести и приносит как лучшее, скажем, то, что исходит от Духа, так и худшее, т. е.

сатанинское. Эта антиномия представляет собой, на мой взгляд, одну из самых вопиющих характеристик этого «конца времени» (ничего общего с тем, что некоторые называют «концом света»), тесно связанного со священными текстами.

Следовательно, я задал себе вопрос: к какой из этих двух категорий относится переданная мне рукопись? Чтение дало мне понять, что эта работа, без сомнения, исходит из первой категории: работы Духа.

Очевидно, дата, выбранная для отправки мне рукописи, 25 июля, праздник апостола Сантьяго-эль-Майора, не случайна, поскольку паломничество в Компостелу, несомненно, носит алхимический характер, имея конечной целью путешествия *Преображение*.

Тот факт, что эта дата совпадает с праздником моего святого покровителя, недостаточно объясняет, почему я был избран для получения этого "дара", поскольку я никогда не действовал в атаноре. Это правда, что я не жил без алхимических забот и трижды совершал паломничество в Компостелу разными путями. Кроме того, я помню двадцать пять радиопередач, которые мы дали на ОРТФ. [\[3\]](#) — Inter-Variétés, июль 1964 г. — со знаменитым Compagnon du Tour de France. [\[4\]](#) Рауль Вергез, под заголовком «Они живы? Они сделаны из камня? Затем мы совершили подлинное паломничество, которое началось с Мон-Сен-Мишель и закончилось в Компостеле, представляя и комментируя основные христианские здания, отмеченные на маршруте. Однажды, болтая о Соборе Парижской Богородицы, о знаменитом персонаже, вылепленном под ногами Христа на центральном крыльце — который, по словам Фулканелли, представляет Алхимию, — журналист, который брал у нас интервью, прямо спросил меня: «Для вас... Жак д'Арес, что такое алхимия?» Я сразу же ответил: «Для меня Алхимия — это наука о жизни». Эжен Канселье следил за передачей. На следующее утро он позвонил мне и сказал: «Жак, вчера вы дали наилучшее определение алхимии».

Именно письмо Фулканелли дало мне ответ в последнем абзаце:

«Не слишком беспокойтесь о причинах, побудивших единогласно выбрать именно вашу персону для получения этого депозита. Они самые простые: выбрав одного из наследников искусства нашего верного Канселье, не преминул бы возбудить назойливую зависть, обиду и вредные для дела сомнения. Наоборот, мы признаем и чтим вашу честность и видим в вас наследника Поля Ле Кура и Филеаса Лебега, умевших приветствовать и ободрять нашего собственного ученика, оказавшегося в одиночестве в своей лаборатории. Получи тогда взамен этот дар доверия, будучи уверенным, что ты воспользуешься им с пользой».

Я был вынужден признать справедливость этого довода, тем более что примерно в то же время я познакомился с Филеасом Лебегом. Именно Поль Ле Кур познакомил его с магистром Савиньи до такой степени, что последний стал его душеприказчиком.

Тогда на ум пришел первый вопрос: можно ли узнать, кто скрывается за псевдонимом Фулканелли? С 1926 г., а точнее с 1929 г., года появления второй книги Фулканелли, все гипотезы рассматривались без какого-либо достоверного

доказательства или серьезного указания, не имевшего аналога. С тех пор некоторые имеют наглость говорить о «монтаже». Желаем чаще встречаться с подобными!

Замечу, несмотря на то, что по прошествии трех тысяч лет вопрос о том, существовал ли Гомер или нет, все еще остается без ответа, что мы вполне обязаны проверить существование «*Илиады*» и «*Одиссеи*», произведений, к которым это дает огромный интерес. То же самое происходит и с работой, подписанной «Фулканелли». Эта работа существует, имеет неоспоримую ценность и написана человеческой рукой (или, может быть, несколькими руками?).

Со своей стороны, я всегда думал, что «*Тайна соборов*» и «*Философские особняки*» были под именем Фулканелли письменным выражением Коллегии братьев Гелиополя, к которой был приписан Эудженио Канселье, бесспорный ученик Адепта. сказал принадлежать. Теперь, в письме, которое сопровождает рукопись, которую мы здесь представляем, уточняется мое намерение: «*Знайте также, что мы не в нашем буклете, а в вестнике Коллегии Адептов*». И это прекрасно подтверждает мою интуицию.

Кроме того, эти упорные поиски опознаваемого автора кажутся мне напрасными и зависящими исключительно от «имения», когда следует принимать во внимание только «Бытие». С другой стороны, есть многочисленные противоречия (может быть, добровольные?), которые не могут быть разрешены. Я думаю об одном из них: часто говорят и пишут, что Фулканелли отозвал бы свою третью рукопись сразу после публикации (Дженом Шемитом, которого я знал лично) первого издания «*Особняков философов*» в 1929 году; и что Фулканелли исчез бы в 1930 году. Теперь сам Эудженио Канселье в предисловии к первому изданию «*Тайны соборов*» от октября 1925 года пишет в первом абзаце:

«Автор этой книги давно с нами. Мужчина исчез. Остался только его образ.

Другими словами, именно Дух, а не букву, мы всегда должны искать. Было важно попытаться убедиться, насколько это возможно, что этот *Finis Gloriam Mundi* строго соответствует Фулканелли, а значит, написан тем же автором. Внимательное прочтение убедило меня, что это действительно адепт Фулканелли.

Начнем с того, что мы находим здесь достаточно неопровержимых соображений об эволюции наших цивилизаций, чтобы полностью оправдать название работы. Это уже было семьдесят лет назад, но ускорение Истории усилилось настолько, что понятно, что автор снова поставил свое произведение «на ходу».

Кроме того, в соответствии с методом, уже использованным в двух предыдущих работах, нам даются — намеренно завуалированные, что, несомненно, уместно, — драгоценные указания о *modus operandi*, раскрывающие тем, кто пытается получить доступ к Адепству, тайны аров. *короткий*; чего раньше никогда не делали. Тысячи деталей подтверждают почти на каждой странице идентичность мысли, которая от «*Тайны соборов*» до «*Finis Gloriam Mundi*» проходит через три произведения Учителя, в то же время мы отмечаем прогрессию в ее амплитуде; что, как мне кажется, имеет невозмутимую логику, основанную на глубокой цели этой мастерской трилогии.

Для меня исключено анализировать или комментировать захватывающие элементы, которыми глазуровано это произведение, даже если в некоторых деталях

можно было бы удивиться некоторым его формулировкам. Это отражение обязывает не меня, а меня. Наоборот, читатель обнаружит, например, довольно необычный комментарий к Изумрудной Скрижали. Точно так же и в отношении «алхимической тайны» можно было бы поразмыслить над следующим предложением: «Настоящая обязанность алхимика состоит в том, чтобы раскрыть то, что украли эти воры, дав их жертвам средства для обеспечения их собственной защиты». То же самое происходит и с датой «Конца Славы Света», когда Фулканелли пишет: «Как мы уже говорили, хладнокровно ждать верховного часа удобно, но мы никогда не рекомендовали пугать людей хладнокровием». вздор, или дерзость отвести до конца времени вполне человеческий час. Алхимику достаточно вкусить свои первые плоды, когда труба звучит в его горниле.

Но так получилось, что Фулканелли поручает мне свою последнюю работу в тот самый год, когда исполняется столетие со дня рождения его ученика Эудженио Канселье. Мне это не кажется случайным. В то время как некоторые люди, кажется, получают удовольствие от преуменьшения (иногда это меньше, что можно сказать) всей работы Канселье, я думаю, напротив, что этот *Finis Gloriam Mundi* помогает подчеркнуть важность его работ. Потому что, по сути, удобно признать исключительный вклад, который он внес в поддержание в этом очень материалистическом 20 -м веке Герметической Традиции, имевшей такое большое значение на протяжении веков. Это напоминает мне размышления Рене Алло по поводу банкета, который я организовал в честь восьмидесятилетия Эудженио Канселье: он сожалел, что история алхимии не преподается в университете. По-своему именно это и сделал Мастер де Савиньи, передав основы Традиции, позволив некоторым продолжать с большим или меньшим успехом свои исследования в этой исключительной области.

Многие наши современники, а особенно некоторые исследователи и руководители, не более чем «специалисты»; что очень серьезно в то время, когда все сферы жизни сталкиваются в глобальном масштабе. В них отсутствует тот «дух синтеза», который свойственен тем, кто применяет знаменитую формулу *orare, orare et Laborare* (молись, молись и работай). Становясь учениками мага, они не могут осознать последствия глубокой трансформации мира, от которых мы страдаем. Новый текст Фулканелли во введении к «*Finis Gloriam Mundi*» особенно показателен в этом отношении.

Эти соображения полностью согласуются с размышлениями Филеаса Лебега в его замечательном *Au-delà des grammaires* [За пределами грамматик] и со всей его работой, а также с выводами Поля Ле Кура (умер в 1954 г.), сформулированными выше. все это в его самой известной книге *L'Ere du Verseau et le plus proche avenir de l'humanité* [«Эпоха Водолея и ближайшее будущее человечества»]. С другой стороны, эта книга особенно привлекла внимание Эудженио Канселье. Мы часто вызывали его вместе на наших встречах, связывая с ним мысль Филеаса Лебега, который был, по-своему, бесспорным предшественником в этом вопросе. Поль Ле Кур и Филеас Лебег прекрасно дополняли друг друга.

Читатель, таким образом, поймет, почему Фулканелли считает меня духовным наследником Поля Ле Кура и Филеаса Лебега, чье произведение так идеально вписывается в подготовительную линию того *Finis Gloriam Mundi*, чье название совершенно раскрывает [\[5\]](#).

Таким образом, трилогия «Фулканелли» образует совершенно связанное целое, и вполне нормально, что « *эта книга, написанная в срочном порядке, является последней, которую Фулканелли подпишет* ».

Принимая во внимание предыдущее и учитывая его актуальность, я вскоре убедился в необходимости опубликовать эту третью часть. Но кому доверять? Я знаю несколько издателей, большинство из них друзья, некоторые из которых более или менее специализируются в области алхимии. Как выбрать? Он столкнулся с той же трудностью, что и Фулканелли, при назначении хранителя своей последней работы. Учитывая тот факт, что этот текст попал ко мне через сайт Европейского центра мифов и легенд [\[6\]](#) Я совершенно естественно обратился к его президенту Жану-Марку Савари, который, в свою очередь, помимо «крупных коммерческих произведений», является издателем в области секретности качества. К большей полноте, зная давно и лично его неподкупность, мне показалось естественным доверить ему эту рукопись, как традиционный «факел». А он в свою очередь принял задание, за что я ему благодарен.

В том же духе позволю себе уточнить, что никаких авторских прав я не получу. Публикация этой книги кажется мне здоровой, поскольку издатель *Liber Mirabilis* это прекрасно понимает .

Я надеюсь, что читатель, благодаря «Науке о жизни», сможет достичь в себе совершенного баланса, символизируемого шестигранным Изумрудом, который, без сомнения, вопреки ему, но в положительном ключе, позволил бы ему участвовать в обновлении мира. Фулканелли и его ученик Эудженио Канселье, образцовые адепты, не хотят ничего другого.

ЖАК Д'АРЕС
Почетный президент
Европейский центр мифов и легенд.

FINIS
GLORIAE
MUNDI

ВСТУПЛЕНИЕ

Для Адепта не принято снова брать перо после того, как он претерпел собственную трансмутацию. Только веские причины, ставящие на карту судьбу человечества, смогли убедить нас нарушить это обычно непреодолимое правило, отказаться от мантии молчания, которая окружает тех, кто прошел через жаровню Феникса. Если один из наших учеников, а именно наш благочестивый Эудженио Канселье, счел уместным придать напрасную мирскую славу имени, красовавшему нашу еще незаконченную работу, пусть эта невинность послужит сегодня, по крайней мере, для того, чтобы запечатать предупреждение о том, что, к сожалению, мы получили обязанность шага в эти беспокойные дни. Человек подвешен между бездной и возрождением, и ошибка была бы буквально фатальной. Эта работа не та рукопись, которую мы много лет назад изъяли из рук дорогого Канселье; что древнее, несовершенное письмо не могло не ввести ученых в заблуждение, как и мы какое-то время. Он был предан огню без угрызений совести. Непостижимая самонадеянность человека! Мы имели наглость исследовать последние и обновление времен до того, как они были произведены в нашем собственном горниле; прежде чем опыт научил нас последним тонкостям искусства. Однако человечество достигло опаснейшего порога, о близости которого мы уже высказали окончательное предупреждение. Таким образом, мы повторяем, с настойчивостью, которую требует неизбежная опасность, необходимые предупреждения, которые, возможно, предотвратят вас от совершения дальнейших действий на путях, на которых ущерб был бы непоправимым.

Г-н Бержье был достаточно любезен, чтобы повторить предупреждения, которые мы сделали ему тогда, когда он и его коллеги стремились высвободить значительные энергии, запертые в глубинной структуре материи. [\[7\]](#). Люди науки были ослепленными детьми, и у нас не было иллюзий относительно масштабов этого шага. Сегодня современная наука заново открыла множество алхимических секретов, но это все более близкое родство не породило у современных воздуходувок остроты совести и духовной дисциплины, необходимых для выполнения Работы. В дополнение к рискам физического характера, всегда присутствующим при безрассудном манипулировании определенными силами,

воздействие этих манипуляций на самих исследователей и, в каскаде, на человеческое население в целом может оказаться абсолютно ужасным еще до того, как они становятся заметными для публики, атрофированная совесть. Искусство VITRIOL требует такого благоразумия, что следует опасаться, что те, кто позволяет опьянению своей собственной силой управлять собой, будут лишены его, если, возможно, оно останется чисто внешним и, следовательно, иллюзорным.

Обращение к ужасающим вопросам конца и восстановления времени означает, как это ни парадоксально, исследование истоков. Когда мы изъяли у Эудженио Канселье слишком поспешно написанные на эту тему строки, археологические раскопки приоткрыли лишь крошечную часть мрака, окружавшего рождение человека. С тех пор вопрос прояснился при условии, что мы учтем все данные более сложной проблемы, чем считалось ранее. Учение палеонтологии очистило панораму от химер, чтобы поставить нас перед тайной. Согласно работам Уилсона, Канны и Стоункинга по митохондриальной ДНК, нам пришлось бы думать о 50 000 лет молчания между биологическим обликом так называемого «современного» человека — нашего человечества — и его первыми проявлениями с помощью инструментов и инструментов. арт пещера [\[8\]](#). Лишь очень поздно человечество взглянуло бы на трансформацию материи. Что это были за почти 50 000 лет, которые представляют собой двойной *оборот колеса* прецессионного Великого Года? Мы приближаемся к концу второго дополнительного *поворота колеса*, которое, напротив, предполагает распространение человеческих дел.

Подвергаясь неумолимой проверке горнила, откровения, передаваемые традициями, приобретают прозрачность, сметающую все чисто интеллектуальные домыслы. Мы уже придерживались учения о четырех веках, изложенного в *Книге Даниила*, подтвержденного Гесиодом среди греков, а также среди индусов. Эта доктрина верна, хотя ее следует понимать иначе, чем механическую шестерню, поскольку она представляет собой не что иное, как космическое развитие определенных фаз Работы, а также ее разрушение. Частичное или чрезмерно упрощенное понимание было бы в этих областях более опасным, чем вульгарная метафизическая иллюзия линейного прогресса или случайных эволюций.

Нам особенно больно отмечать, что некоторые из наших бывших учеников, и особенно их собственные ученики, поддались искушению буквального прочтения или узкой интерпретации временных циклов, регулирующих судьбы космоса. Впрочем, мы их уже предупреждали: «Сами философы удостоверяют, что никогда они не говорят так туманно, как тогда, когда, кажется, выражают себя точно. Его кажущаяся ясность обманывает тех, кто поддается соблазну буквального смысла, не желая быть уверенным, согласуется ли он с наблюдениями, разумом и *возможностью природы*» [\[9\]](#).

Затуманенные должны были бы проверить, подчиняется ли революция полюсов, как они представляли ее, читая нашу экзегезу обелиска Даммартен-су-Тиго с верой угольщика, такой уверенности. Ограничиваясь искусством попугая, они усилили

иллюзии людей со слабым интеллектом и, к сожалению, способствовали усилению более темных происков воздуходувок, пытающихся играть подобающую люциферианскую демиургическую роль. Мы не ставим здесь своей целью разоблачать каждую из их ошибок. То, как они использовали наше имя, чтобы прикрыться, оставляет нас равнодушными. Но важно исправить то, что предприняли ученики мага, потому что в тонкой точке циклической спирали это имело бы непредвиденные последствия.

Эта книга, написанная в срочном порядке, станет последней, которую подпишет *Фулканелли*. Надеюсь, мы сможем после этого, выполнив возложенный на нас долг, снова войти в Безмолвие адепта, чтобы действовать только так, как оно требует.

ЗАВЕРШЕНИЕ СЛАВЫ МИРА

Больница *Санта-Каритад в Севилье хранит любопытную картину* Хуана де Вальдеса Леаля, которую мы без колебаний назовем *философской*. Этот художник XII века, современник Сурбарана и Мурильо, представляет собой то, что

искусствоведы считают началом испанского реализма, бросающего неумолимый взгляд на материальные и моральные страдания того времени.

Едва закончился ее золотой век, как разоренная войнами Испания теряла одну богатую провинцию за другой в северной Европе. Чтобы обеспечить его превосходство, его американских завоеваний уже было недостаточно. Наряду с золотом и серебром Перу он, казалось, привил в этих далеких землях варварский вкус к смерти и жестокости, и, пока европейские народы упражнялись в своих кружевных войнах, они подняли *карту Тендре*. [\[10\]](#) и культивировала сельские праздники, Испания превозносила инквизицию, зажигала ее аутодафе и преследовала ее мудрецов, а также ее мистиков с одинаковой строгостью. Несмотря на это, как и во всей Европе, в Компостеле и Севилье процветали школы алхимиков, которые, однако, под покровом аптекарского искусства, красивого производства или измельчения красок, в которых нуждались художники, им приходилось действовать почти полностью под землей. Идальго и монахи, которые устанавливали свои печи и фляги позади замков и монастырей, должны были искать правдоподобную причину, чтобы ограничить сплетни; в общем, это дистилляция лекарств и лекарств, поскольку их состояние не защищало их от обвинения в колдовстве или ереси, за которое они немедленно получили бы тюрьму или сожжение на костре. Поэтому мы не найдем ни в Галиции, ни в Андалусии тех мифологических или символических композиций, которые нам довелось расшифровать в «*Философских Морадас*». Испанские художники, и особенно Хуан де Вальдес Леаль, передавали секреты Произведения через религиозные темы и, реже, плутовские сцены. В этом отношении *Finis Gloriam Mundi*, несомненно, представляет собой наиболее совершенное послание севильской герметической школы.

Над склепом, где три тела лежат в открытых гробах в разной степени кажущегося разложения, тучи раскрываются над элегантной и почти женской рукой, отмеченной стигматами Страстей, которая держит весы, переполненные чаши которых отмечены словами *ни больше или меньше*, они уравниваются. Перед тускло освещенной лестницей, которая, кажется, ведет в более гостеприимный мир, возможно, тот самый, из которого появляется роковая рука, сова Минервы наблюдает за метаморфозами трупов. На переднем плане лежит епископ в очень бледно-золотом, почти *белом*, плаще и митре, все еще сжимающий в скрещенных на груди руках золотой посох, а алый бархат, выстилающий внутренность гроба, рвется, обнажая дубовую древесину, из которого он сделан. На заднем плане, в перевернутом положении по отношению к первому персонажу, покоится рыцарь, который, как свидетельствует покрывающее его знамя, принадлежит к одному из военно-религиозных орденов Калатравы, Сан-Хуана или Сантьяго, существовавших в в прямом смысле, как в переносном, острие *реконкисты*. Третий гроб, на заднем плане, содержит не что иное, как скелет без атрибутов, у ног которого нагромождены разрозненные кости и черепа. Перед епископом на небрежно оставленной на земле филактерии написаны следующие слова: *Finis Gloriam Mundi*.

Вся сцена кажется залитой пурпурным светом, который едва окрашивает, а не освещает закопченный туман, в котором растворяются стены гробницы.

Большинство искусствоведов увидели в этом полотне лишь нравственную аллгорию: мирские суеты не выживают в могиле и гнивают, пока наконец не достигнут анонимности последнего оссуария. Атрибуты благородных персонажей, лежащих в своем последнем сне, складываются на весах, и это имело бы значение библейского *Mane, técel, phares* . Эта интерпретация, которую мы, конечно, не разделяем, не учитывает тонкостей картины, весьма наводящих на размышления с точки зрения *алхимического* прочтения , к которому мы склоняемся. Затем он появляется как крупная работа философа-химика, которым, несомненно, был Вальдес Леаль.

Чаши весов кажутся идеально сбалансированными, хотя при внимательном рассмотрении можно обнаружить небольшой лишний вес в чаше справа. Он содержит литургические символы, но вместо этого тяготеет над телом рыцаря. Как мы видим, символы переключены: над епископом мы видим эмблемы кавалерии, шлема, мастифа и драгоценностей с клеймом в виде алого сердца; а над рыцарем мы видим звезду, уже начавшийся кусок хлеба, книгу, стеклянную ступку с пестиком и красное сердце, увенчанное крестом. Происходит обмен блюдцами для взвешивания сердец. Это, а также перевернутое расположение обоих символов, обозначают путь, который слишком мало упоминается в алхимических сочинениях, известный как *короткий путь* . Посвящая этому свой *Ars brevis* , Раймунд Луллий описывает только принципы, и притом особенно мрачно. Этот способ позволяет быстро добраться до Камня, но его практика оказывается особенно опасной. Овладение системой сдержек и противовесов необходимо в любой момент в работе, которая выполняется ужасно *слепо* .

Белые богослужебные одежды, которые носит епископ, носят только в два сезона: Рождество и Пасху, рождение ребенка и воскресение; и то и другое происходит в темной глубине пещеры. Греческие Отцы Церкви установили аналогию между могилой и колыбелью, между поясами, которыми окутывают новорожденного, и поясами, поддерживающими плащаницу. В Рождество Бог умирает, чтобы родиться ограниченным человеком; во время Страстной недели последний умирает, так что пасхальным утром человек-Бог вновь появляется в своем совершенстве.

То, что показано нам здесь через христианскую символику, было известно уже египтянам. Они представляли *Птаха* , запертого в *сети шахтера -смерти* и рождения в мире в ограниченной форме непрозрачного камня. Позже его родила львица *Сехмет* , живое и пожирающее пламя. Эту вторую операцию смерти и воскрешения нужно было проводить с величайшей осторожностью, так как, если *Сехмет* вырвалась из-под контроля, сила *Птаха* , высвобожденная слишком резко, становится разрушительной. Это прекрасно понимала единственная среди всех египтологов госпожа Иша Шваллер де Любич. [\[11\]](#) . На протяжении столетий это то, что открыли ученые-атомщики. Мы не будем винить их за то, что мы попытались

прочитать самые сокровенные страницы *Liber nature* , хотя нас очень раздражает, что их первой заботой была тонкая настройка атомной бомбы.

Картина Вальдеса Леаля имеет очень точное представление о совершенстве металлов, и мы только что видели из литургических указаний, что две операции, открывающие и завершающие производство, похожи, но имеют пересекающиеся значения. Выбор персонажей несет в себе самое скрытое предупреждение, которое было бы неуместно открыто раскрывать до сегодняшнего дня. Мы созерцаем епископа, рыцаря и человека без каких-либо особых качеств, которого мы должны принять за земледельца или ремесленника: мы присутствуем при средневековом разделении на три ордена: *oratores, bellatores et Laboratores* . Мы видим в нем аллегорию трех операций, которые должны быть выполнены на материале, завершающем работу: сбор небесного духа, борьба двух природ и смиренная работа в темноте, каждая из которых указывает на добродетель, приписываемую каждое из трех состояний. Речь идет также о тройном мастерстве, которое необходимо работнику для руководства искусством: мастерство *ars sacer* , мастерство рыцарской инициации или *ars regis* и, наконец, мастерство идеального компаньона или *magisterium* . Вальдес Леаль своим выбором предполагает, что алхимический процесс в более широком масштабе применим к человеческим обществам; откровение, которое в то время могло быть сделано только под прикрытием религиозных спекуляций. В связи с этим отметим, что право носить герб в средневековом обществе имели признанные мастера *трех орденов* . Было не в духе времени, если только оно не было дезориентировано на преувеличенные или меркантильные амбиции, иерархизировать порядки в соответствии с жесткой моделью каст, пришедшей в упадок Индии. Сама «*Махабхарата*» признает, что принадлежность к касте следует определять не только по рождению, но прежде всего по *темпераменту* , как это определено в аюрведических писаниях. [\[12\]](#). Традиционные ордена отпечатывают видимую печать на тех самых *достоинствах* , которые в алхимии мы называем солью, серой и ртутью.

Этот последний секрет Гермеса, а именно применение искусства к человеческому обществу, не должен был быть раскрыт даже при устной передаче от учителя к ученику, пока художник не открыл его скрупулезным наблюдением своего горнила и горнила других, , природа. К сожалению, некоторые в этом столетии сочли мудрым сорвать завесу с *Иштар* вместо того, чтобы подстрекать ее к постепенному лишению ее собственности, пока она спускается в ад *Эрешкигаль* . Это нисхождение, вызванное витриолом философов [\[13\]](#), это та, которую мы видим на картине в виде лестницы, охраняемой совой Минервы, птицей, чей взгляд, проникая во тьму, направляет людей во время существенного ночного путешествия.

Отметим, что сова находится на высоте плит божественного равновесия. Хуан де Вальдес Леаль настаивает на необходимости баланса; регулирования процесса. Небесная рука, удерживающая весы, ясно указывает на то, что это регулирование должно исходить свыше: от уже сублимированной части материи, от человека или, может быть, от природы, так как, хотя на ней видны стигматы Страстей, эта рука

напоминает руку женщина. Природа тогда достигла бы своего совершенства, так как она исполнила бы свою Пасху. Здесь мы имеем дело со страшной тайной, и было бы все же очень неуместно раскрывать ее яснее.

Не обошлось без серьезных последствий, что, не обращая внимания на такое философское благоразумие, люди науки уступили контроль над своей работой новым политическим князьям. Адепты прошлого всегда предостерегали своих учеников от стремления королей к богатству и власти. Алхимия человеческих обществ, предложенная Вальдесом Леалем, идет теми же путями совершенствования, что и минеральная материя, и мы уже знаем о трудностях, вызванных случайным взрывом тигля. Говоря современным языком, мы знаем травмы, которым подвергается «лаборант», и насколько трудным и трудоемким будет исцеление, которое позволит ему возобновить лабораторную работу. Сброс атомной бомбы на Хиросиму был преступным не только из-за страданий, причиненных непосредственным жертвам, но и из-за ущерба, причиненного душе и духу человечества. Преступление было удвоено на выбранную дату, 6 августа, на литургический праздник Преображения Господня, для которого атомный блеск представлял собой буквально *дьявольскую подделку*. Это не компенсирует это первое землетрясение и не исправляет тот факт, что мудрецы *позже* нашли способ регулировать действие *Сехмет* для производства электричества. С этого следовало бы начать, если бы действительно хотелось сделать в промышленном масштабе то, что философы не пытались делать на протяжении всей своей жизни, но на нескольких унциях материи. Следует также отметить, что на атомных электростанциях работа почти не выходит за пределы подготовительного этапа, отсюда и накопление такого количества отравленных отходов, нынешняя «лечение» которых является не более чем зловещим фарсом. Мы, конечно, можем надеяться, что, как только будет накоплен опыт, с учетом старения электростанций и необходимости их замены ученые-атомщики найдут более канонические средства для завершения столь безрассудно предпринятой работы.

Начиная с первых экспериментов Резерфорда в 1912 году и заканчивая гигантскими ускорителями частиц вроде тех, что были в ЦЕРН или Брукхене, физики довольствовались тем, что разлагали материю на части, чтобы открыть ее внутреннюю структуру. Чаще всего это яростная бомбардировка потоками электронов, которые выпадают в осадок и ударяют по тонкой архитектуре атомных ядер. При ударе физики получают реальные превращения либо атакуемых тел, либо атакующих частиц. Лишь совсем недавно они осознали, что, слегка нарушив внутренние равновесия атома, они могут получить и ответ от материи; но это новшество — фактически, эти встречи с наукой философов — еще не переступили порог лаборатории. Атомная энергетика до сих пор использует двойной удар для извлечения энергии из самопроизвольно неустойчивых тел, остающихся на пределе возможностей равновесия природы. Однако в гигантских циклотронах этот метод

требует таких энергий, что его нельзя было бы осуществить без разрыва связей так называемого сильного взаимодействия, обеспечивающего сцепление кварков.

Канонические способы алхимии, переведенные на язык современной науки (конечно, менее поэтичные, чем символы, использовавшиеся древними, но, по крайней мере, столь же точные и приемлемые, несмотря на тех, кто путает традицию со старым хламом), играют на упомянутой слабой электросиле. Наше искусство есть искусство музыки, утверждали философы; что напоминает нам о лютне, помещенной за ступкой на правой чаше весов на холсте Вальдеса Леаля, и что еще яснее показано на известной иллюстрации вне текста трактата Роберта Фладда. [\[14\]](#) Следовательно, это искусство резонанса, а не столкновений, и взаимодействие между электронным слоем, ответственным за обычные химические реакции, и ядерной архитектурой достигается путем модуляции указанных резонансов. Сегодня мы уже не стесняемся раскрывать ее: было бы напрасно держать ее в секрете ради секретности, когда ее преподают в специальных физико-химических изданиях, а иногда даже в популярных журналах, которые можно найти в газетных киосках. Было бы преступно даже утаивать знания, способные помочь нам преодолеть опасную высоту, на которую завела человечество техника масштабных потрясений. Алхимическое раскрытие материи устанавливает такие резонансы на уровне ядра. В некотором роде это сопровождается насильственной деятельностью, описанной как мифологическая *битва с драконом*, которую абсолютно необходимо освоить и сдерживать. Но это реакционное насилие не имеет ничего общего с насилием, представленным методом г-на Резерфорда и его подражателей.

Однако, поскольку здесь речь идет о коротком маршруте, мы должны предупредить тех, чья миссия состоит в том, чтобы возобновить задание и выполнить его. Взрыв горнила, вернее, атомных электростанций, то, что сейчас эвфемистически называют «экскурсией в сердце» или «китайским синдромом», — не единственная опасность, от которой мы считаем необходимым предотвратить.

Вернемся к картине Вальдеса Леаля. Гроб епископа обит тканью, красный цвет которой мог бы напомнить Философскому камню, и все же он падает в клочья, а прелат кажется застывшим в состоянии, которое не является ни состоянием разложения плоти, ни состоянием ее полного оживления. В материи это состояние выражается слишком поспешной кристаллизацией. Их поверхностная окраска может ввести исследователя в заблуждение. В Апокалипсисе Иоанна символизируется Блудница, одетая в багряное, и далеко не обеспечивающая совершенства Делания, эта мессалина, только что замаскированная царской мишурой, притягивает нечистоты и питает только себя. Таким образом, все, кажется, рискует погрузиться в стазис, который больше не участвует в эволюции природы, подвергаясь только медленной деградации.

Философы настаивали на необходимости *спешить медленно и следовать путям природы*. [\[15\]](#). Появление Алой Блудницы всегда означает, что кто-то сбился с естественного пути. Поэтому мы должны повторить наши предостережения: для тех,

кто занимается наукой без совести, искушение будет еще большим; и мы не говорим здесь о моральной совести. Всегда опасно объективировать то, к чему прикасаешься, считать себя хозяином слепых сил внутри инертных структур. *Du gleichst dem Geist den du heggleichst*, отвечает Мефистофель во втором «*Фаусте*»: «Вы будете похожи на дух, которого зачали».^[16] Жаль тех, кто может представить себе только окаменевший дух, а не Живой Камень.

Художник воспроизводит в меньшем масштабе процесс, поддерживающий эволюцию космоса, даже то, что древние называли реинтеграцией, *αποκαταστασις*; или преобразование. Мы не будем обсуждать здесь теологические толкования этих терминов, которые чаще всего означают неспособность мирянина предвидеть конец, к которому стремится вся природа. Только Адепты, Мудрецы и Святые знали его точное значение, но, как говорит Апостол, «вся тварь стонет в родовых муках».^[17] Мы не собственники, чтобы менять по своему усмотрению пути, начертанные божественным Художником в сокровенном строении каждого атома мироздания. Описание грехопадения в иудео-христианской традиции или комментарии к *Калиюге* в индуистской *веданте* показывают, что существуют вторичные потенциальности, беспорядочное выражение которых ведет в тупик.

Эти вторичные возможности играют свою роль на определенных стадиях космического процесса. Слишком поздно или слишком рано, или веря, что их можно достичь своего рода кратчайшим путем, не гарантируя предварительной подготовки материала, достаточно, чтобы обеспечить реализацию мечтаний о бессмертии, всемогуществе или проникнутой наукой. Вот самый верный способ добраться до аберраций, которые Проститутка, из-за своего внешнего сходства с Камнем, представляет как самый яркий пример. В то время, когда Вальдес Леаль написал свою картину, испанская цивилизация увязла в результате кристаллизации церковной иерархии и реквизиции Работы *ораторами* и *беллаторами*, оставив *Laboratores* без средств к существованию. почти полностью разорванным скелетом третьего гроба. Хотя они и покрыты цветами Работы, первые не могут подняться из гробницы, а четыре черепа в склепе на дне гробницы представляют собой не что иное, как груды сухих костей. Только эмблемы, которые мы видим на чашах весов, имеют свежесть жизни. Однако луч света освещает лоб последнего умершего, указывая на то, что он тоже ожидает воскрешения.

Четыре черепа в склепе представляют четыре Мертвых века, конец цикла, который уже закончился и был забыт. Если мы рассмотрим распределение света, которое художник производит внутри гробницы, мы поймем, как происходит перерождение мира. Но сначала нам нужно взглянуть на пятый череп, немного отличающийся от остальных четырех, которые каждый может увидеть и сосчитать. Устроенные таким образом черепа в химической работе соответствуют четырем элементам, а пятый — квинтэссенции. Но мы должны настаивать на том, что это *мертвые элементы*, сведенные к состоянию костей. Это утверждение удивит учеников, которые верят, что квинтэссенция действует с момента ее отделения от того, что Гермес Трисмегист называл плотным или густым.

Однако — и мы впервые приоткроем одну из самых сокровенных тайн искусства — чтобы продолжить работу, выходящую за рамки простой минеральной регенерации, и полностью ее усовершенствовать, сама квинтэссенция должна быть очищена и отделена от смертных излишеств. Художник постоянно мешает своему горнилу. Многие начинающие понимают, что таким образом работающая материя воздействует на них в свою очередь и заставляет их постепенно переходить из профанного состояния в состояние Адепта. Это всего лишь один из аспектов аркана. Полученная первая квинтэссенция, хотя и недифференцированная, несет в себе печать оператора. Именно это вносит в него посредством резонанса излишества, которые оно все еще носит в себе. Поэтому ему еще предстоит провести над собой окончательное очищение, чтобы избежать повторного внесения зародышей смерти в жизненную стихию.

Пришло время раскрыть эту величайшую тайну. Говорить об этом открыто не увеличивает риск, потому что это непреодолимый барьер. Тот, кто хотел нарушить его, не очистив его этим очищением, только получил бы силу первой квинтэссенции — смертоносной квинтэссенции — отскочить против него, лично переживая катастрофический ответ. Мы знаем, что военные силы внимательно изучили алхимические писания, чтобы найти средства, которые уберегут их от собственного оружия, а некоторые, ободренные успехами, достигнутыми с помощью мелких подробностей, лелеют демиургические надежды. Им адресовано самое милосердное из предупреждений: недостаточно изготовить неизвестно какое *питьевое золото*, способное обратить вспять физиологические эффекты атомного облучения, изменить вселенную по своему усмотрению.

В своем нынешнем виде черепа или элементы могут существовать до тех пор, пока не рассыплются в прах. Состояние смерти в ее последней стадии столь же стабильно и бесплодно, как Проститутка. Свет воскресения не достигает их напрямую: он заливает тела, может быть, мумифицированные, но в которых сохраняется принцип плоти, зародыш оживления.

Это открытие является ключом к пониманию четырех традиционных эпох. В Книге Даниила последовательность четырех «царств» заканчивается вторжением камня, брошенного с неба, который должен разбить их цепь. В скандинавской мифологии все заканчивается «временем волков». [\[18\]](#) и ужасный конфликт *ragnarök*, «судьба Сил». Иранская *Авеста* также описывает космическую битву, в ходе которой владыки тьмы будут окончательно побеждены. Ни индусы, ни Гесиод не уточняют, как будет происходить переход. Вот уже столетие большинство экзегетов пришли к выводу об обязательной нисходящей последовательности от Золотого века к Железному веку, и, вопреки всему, что они смогли узнать в своем собственном горниле, некоторые авторы, искренне практикующие искусство Гермеса, такие как звучали чисто абстрактные рассуждения. По их мнению, в конце железного века появились все «бесполезные» возможности. И природа, и человечество тогда достигают такой стадии распада и загрязнения, что возникает искушение спутать их с алхимической *подошвой*. Отсюда посредством катаклизма или прикосновением

волшебной палочки какой-нибудь доселе совсем молчаливой феи одним махом происходит возвращение к Золоту, чтобы снова начать новый цикл и новый закат. По крайней мере, г-ну Рене Генону удалось убедить своих читателей настолько, что вопрос о рассмотрении традиции вне установленных таким образом рамок больше не стоит.

Г-н Генон, несомненно, хорошо знал тексты *Веданты*, но мы часто замечали, что он чрезмерно упрощал данные, которые ему передавались. В любом случае нам кажется прискорбным, что алхимики, настроженные собственной лабораторной практикой, не справились такой наивный подход. Мы должны повторить: художник сводится к подражанию природе; его режимы работы — это режимы самого космоса. Даже если допустить, что последняя из этих Эпох является разложением, для нас было бы очень необычно увидеть, как Камень возникает из нее спонтанно, без предварительного вмешательства второй и третьей работ. Но если верить пророку Даниилу, узнавшему, что он был в авестийской науке при дворе мидийских царей и вдохновленный Богом, что именно описывает нас? Четыре Эпохи или четыре царства, которые связаны между собой, теряя часть своего благородства и жизненной силы на каждом этапе, не возвращаются после удара Камнем. Они освобождают место для горы, которая в конечном итоге заполняет все пространство. Таким образом, сон Навуходносора описывает не естественный циклический процесс, а, скорее, одно из тех заблуждений, подобных Блуднице, о которой мы говорили ранее, которые отклоняются от путей природы. Неизбежное вырождение «четырех веков» указывает на отклонение Работы, которая не может завершиться — если мы позволим ей продолжаться — кроме как накоплением сухих костей, нарисованных Вальдесом Леалем. Если этот процесс запущен случайно, очень трудно, если не невозможно, вмешаться до того, как он завершится. В этот момент возникающее в результате хаотическое состояние дает художнику большой простор, и ему предлагается несколько путей исправления, эхо которых мы находим у философов Средневековья и у арабских авторов. [\[19\]](#) С другой стороны, мы не рекомендуем другой техники в горниле неосторожным, которые непреднамеренно нарушили *правила искусства*, и которые, таким образом, обожгут себя хорошо.

Один из этих путей, медленно, но верно, состоит в «возвращении» из Эпохи в Эпоху до восстановления условий, существовавших до ошибки манипулирования; ничего не остается, кроме как корректно возобновить незавершенную работу. Даниэль приводит еще одну возможность. Он состоит в том, чтобы взять Камень, уже полученный в другом тигле, и включить его в разложившуюся материю; но после этого нужно будет снова очистить этот возросший Камень, если, быть может, он не достиг достаточной степени совершенства. Короче говоря, одно из решений будет состоять в том, чтобы позволить природе делать то, что описывает *рагнарок*: растворяющие силы борются друг с другом до изнеможения, но, поскольку в то же время происходит совершенствование Вселенной, может появиться новая материя, перезапуская работать с самого начала. Однако внешнее сходство этого процесса с черной работой ввело в заблуждение не одного философа.

Отрывок из *Desiderabile*, не без основания приписываемый Николасу Фламелью, который различает в произведении четыре цвета, может ввести в заблуждение несведущих, заставив его думать, что при любых обстоятельствах восход Веков представляет собой алхимический путь: «Наша вода берет четыре основных цвета: черный, как уголь, белый, как геральдическая лилия, желтый, как цвет ног кречета, и красный, как цвет рубина» [\[20\]](#). Если бы это были символические цвета Веков, желтый цвет бронзы или латуни и белый цвет серебра пришлось бы перевернуть. По правде говоря, желтый цвет, проскальзывающий между второй и третьей работой, означает достижение успеха коротким путем. В этом случае, из-за силы операции, которая, если бы она вышла из-под контроля художника, могла бы опустошить больше, чем его лабораторию, Камень не должен превозноситься выше светло-шафранового цвета. Буддийская легенда гласит, что царь Азока был так напуган, подняв его до оранжевого цвета, что запретил всем своим подданным подражать ему и сжег тексты, указания которых позволили ему туда попасть.

Мы должны провозгласить это со всей силой: появление цикла четырех веков *всегда является следствием ошибки* или того, что Бытие описывает как первородный грех. Как и в случае с Алой шлюхой, но в нестабильном режиме и, следовательно, его легче исправить, это случайность, которая вмешивается, когда вы хотите сократить путь и пропустить необходимый этап. В горниле время будет потрачено впустую, и часто годы работы становятся напрасными. Но ложное толкование цикла четырех веков или, что еще хуже, искушение получить стабильный результат до того, как плод созреет, являются самыми страшными в человеческой алхимии. Художники эпохи Возрождения, изображавшие Адама и Эва у подножия дерева «познания добра и зла», заставляли их тянуться к еще зеленым плодам. Первая ошибка вызовет приход катаклизма, обязательно предполагая, что он спаситель; чаще всего это только порождает бесполезные страдания. Во-вторых, стремление выйти из исторического времени, когда еще ничего не достигнуто, окаменело целые цивилизации, от которых не осталось ничего, кроме погребенных в песке стен и разграбленных гробниц. Подвергшиеся закату Четырех Эпох или кристаллизовавшиеся на манер Проститутки, цивилизации, сменяемые другими народами, исчезают навсегда.

В конце этого века возрождаются оба соблазна одновременно: покончить с «западной» цивилизацией с триумфальным выходом из Истории и ускорить дегенеративный процесс в надежде механически достичь, благодаря катаклизму, новый Золотой Век. Сочетание этих опасностей, наряду с неполным овладением силами *Сехмет-Пути*, может втянуть человечество в непоправимую катастрофу. К счастью, есть пределы дозволенному, преступить которые человеку не под силу. Об этом ясно говорит автор *Книги Иова*: «Здесь сломлена гордыня волн твоих»; а псалмопевец настаивает: «Ты поставил предел, которого не превысят» [\[21\]](#). Но, как показано на картине Вальдеса Леаля, если вмешательство божественной руки необходимо для космического регулирования, то чем глубже достигается дисбаланс,

тем сильнее будут колебания, которые вернут тарелки в их оптимальное положение. Как уже не без некоторой глубины почувствовал г-н Бержье, миф об Атлантиде, как его на протяжении века описывали оккультисты и романисты, не только вызывает в памяти древние коллективные травмы, но и предупреждает нас о возможном катастрофическом будущем, для которого грядущие, к сожалению, некоторые уже работают.

ИНВЕРСИЯ ПОЛЮСОВ

Когда мы кратко комментировали обелиск Даммартен-су-Тижо, мы расшифровывали его из Священного Писания ■ [\[22\]](#) и из греческой традиции. Они утверждают, что мир попеременно проходит через очищающую воду и огонь с интервалами, которые мы оценили в «1200 лет». Очевидно, это последнее число не следует понимать буквально: мы не были настолько невежественны, чтобы думать, что потоп — и особенно библейский потоп — опустошил планету около 700 года. Это все еще верно, если мы примем свидетельство летописец Григорий Турский, что два столетия, в течение которых короли первой расы правили франками, должны были стать свидетелями многочисленных климатических и космических потрясений, таких как северное сияние над Арденнами, падение воспламененных метеоритов в заливе Морбиан, или затопление леса Авранш, образующего с тех пор залив Мон-Сен-Мишель. Эти ограниченные конвульсии не могли сравниться со всеобъемлющим очищением нашего земного шара. [\[23\]](#). Мы краснели от необходимости указывать такие элементарные моменты, но глоссы, когда мы случайно узнавали их, приводили нас в смесь веселья и ярости. Не по этой причине они заслуживали бы ни одной строчки публичного исправления, если бы не способствовали поддержанию нездорового ожидания неминуемого катаклизма. Ожидание усугубляется учениками-демиургами, которые не более чем воздуходувки; но к сожалению очень опасные воздуходувки.

Что же такое год для алхимика, следующего учению природы, как не цикл, охватывающий весь зодиак? Таким образом, солнечный год и прецессионный год, планетарные годы и драконьи годы, регулирующие затмения, а также те долгие годы, в течение которых движется Черное Солнце и которые греки обозначали мифом о Фаэтоне, будут исчисляться согласно к потребностям. Двенадцать сотен лет, которые мы вызвали раньше, не уточнив основную единицу, представляют, таким образом, возвышение Зодиака до силы и совершенства порядка сотен, символическое число на манер Книги Даниила или Апокалипсиса, когда Святой Иоанн говорит о двенадцатистах днях, в течение которых младенец мужского пола будет питаться в пустыне.

Однако мы еще не наблюдали последней революции в нашем горниле, и наши комментарии зависели от неопределенностей и перспектив того времени. Когда мы отправили Эудженио Канселье рукопись «*Философских особняков*», геологи только что открыли, вписанную в память горных пород, загадочное чередование магнитного севера и юга на протяжении веков. У нас были основания думать, что такая инверсия объяснялась тем, что вся сфера повернулась вокруг своей оси, что могло произойти только в сопровождении устрашающих катаклизмов. Магнитные вращения, которые также происходят в тигле, алхимически легче наблюдать на коротком пути, чем на других. Мы испытали сильное удивление, убедившись в наших операциях, что эти чувствительные конвульсивные скачки не производились фатально, если поле превращалось в работу вокруг материи. Позже, благодаря прогрессу геологической науки, с большей точностью познав тайны *центрального огня*, мы знаем, что инверсия магнитных полюсов не означает вращения планетарной массы. Следовательно, двойной геликоид обелиска Даммартен-су-Тижо символизирует не кажущееся движение солнца, как мы неосторожно предполагали, а, связывая его с движением всей системы к ее вершине, двойной магнитной спирали, внутренней к нашему земному шару и временное образование тетраполя.

Это знание недавнее. Статья господ Вале и Куртильо [\[24\]](#) умно описывает геомагнитную историю нашей планеты вместе с некоторыми ее причинами. Не остается ничего другого, как сделать выводы из того, что они так удачно представили в глазах читателя. Мы видим на их диаграммах, что смена полюсов быстро следует друг за другом, а затем прекращается на очень долгие периоды, около ста миллионов солнечных лет, а именно на четверть или сезон среднего вращения нашей Галактики. Когда после таких остановок полюса возобновят свой танец, это новое движение совпадет, как показывает нам палеонтология, с резким обновлением фауны и флоры, в то самое время, когда вулканические конвульсии и наводнения, по-видимому, имели место тогда, очищающий. Два из этих стазисов датированы с достаточной точностью. Конец второй соответствует вымиранию великих ящеров вторичной эры.

С момента появления современного человечества, несмотря на то, что мы находимся в фазе быстрого чередования в геологическом масштабе, Земля знала лишь кратковременную инверсию полюсов. Мы рассчитали приблизительную дату благодаря диаграммам Вале и Куртильо: движение, которое вернуло магнитный полюс в окрестности географического севера, произошло примерно в 8000 году до нашей эры. С. Затем человечество оставило дикую жизнь кочевых охотников, одомашнило животных, возделывало землю, построило первые деревни и таким образом заложило основу великих исторических цивилизаций. Это совпадение не просто случайно. За то короткое время, когда силовые линии магнитного поля Земли раскрываются, как мистическая роза, это означает, что человек пробуждается к высшему сознанию. Претворение этого пробуждения в дела, несомненно, займет всю продолжительность следующего цикла.

Вглядываясь в прошлое земли так, как физики погружаются в глубины морей, геологи заново открывают некоторые фрагменты тайны Великого Искусства, горнилом которого является природа и сам Художник-Творец. Несмотря на несоизмеримость шкалы времени, скорость обращения магнитных полюсов Земли с поразительной точностью воспроизводит скорость, наблюдаемую на коротком пути: тысяча лет для Бога как день, говорят псалмопевец и псалмопевец. [\[25\]](#). Так что творческий Художник ведет свою космическую Работу по короткому пути; По отношению к путям природы, в более медленных путях работа алхимика, хотя и легче для освоения, вносит небольшое ритмическое отклонение, погрешность, которую необходимо исправить многочисленными очищениями Камня. Чем ближе ритм приближается к божественной модели, тем более чувствительными будут просветляющие фазы, сравнимые в нашем масштабе с пробуждением неолита.

Каждый из оборотов магнитных полюсов, по-видимому, сопровождается возмущениями климата и земель. Когда инвестиционное движение началось примерно в 10 000 году н.э. С. произошел конец последнего ледникового периода. Ледяные берега отступили, а морские воды постепенно набухли и затопили прибрежные районы. Теперь это дата исчезновения Атлантиды, данная жрецами Саиса афинскому законодателю Солону, согласно свидетельству Платона.

В начале этого века мы еще могли верить рассказу великого философа, который поместил чудесный остров «за Геркулесовыми столбами», приписав ему территорию, «большой, чем Азия и Ливия вместе взятые». Усилия археологов убедили нас в том, что жрецы Саиса частично знали свои собственные записи и что они смешивали два катаклизма несравнимого масштаба. Борьба «атлантов» с первыми афинянами, истребленные цунами армии и даже ежегодная встреча принцев относятся к гораздо более поздним событиям: к взрыву вулканического острова Санторин (Θηρα) на начало пятнадцатого века до нашей эры. Более смертоносное, чем Кракатау, извержение Санторини погрузило Египет и Малую Азию во тьму, которая длилась несколько дней, а волны высотой от 200 до 300 метров опустошили берега восточного Средиземноморья. Блестящая минойская цивилизация не подняла головы, и ахейцы, прежде чем воевать с столь же ослабленной Троей, сделали данниками купеческих князей Эгейского моря. Но помимо этого недавнего катаклизма, память об океанских конвульсиях и погружении, произошедшем тысячелетия назад, «за Геркулесовыми столбами», все еще доминировала в храме Саиса. Это мог быть катаклизм, который из-за подъема океанских вод и сейсмической активности, сопровождающей инверсию полюсов, открыл Гибралтарский пролив. Обратите внимание, что в это же время произошло затопление дельты Евфрата, что привело к возникновению Персидского залива.

Та Атлантида, которая потерпела кораблекрушение в связи с этим разрывом, будь то остров или побережье, уже поддерживала цивилизацию, сравнимую с теми, которые позже возникнут по периметру Средиземного моря? Сегодня по-прежнему нельзя быть уверенным в этом вопросе. С другой стороны, если не память о прошлом, то Атлантида, которую поэты, романисты и оккультисты

реконструировали столетие назад, свидетельствует о предчувствии тоски. Не имеет значения, что эта Атлантида наряжается в наряды венецианского Возрождения, тонкости Византии или резонирует с ракушками Кносса: она конденсирует в себе все цивилизации, исчезнувшие за то, что захотели преступить алхимический предел, который мы говорили раньше; за использование квинтэссенции, загрязненной примесями. Авторы, которые поют его похоронную песню, согласны с этим существенным моментом: Атлантида рухнула бы из-за злоупотреблений, совершенных ее жрецами-магами над материей и душами. Г-н Бержье видел в этом мифе «пережиток будущего»; предвкушение судьбы нашей собственной цивилизации [\[26\]](#). Когда я писал эти страницы, очень немногие отдавали должное традиционным наукам. Его предупреждение не сработало.

Сегодня это уже не так: все современные науки опасно близки к алхимии. Опасно, скажем мы. Вариант специализации заставляет их заново открывать разрозненные фрагменты герметических знаний, уводя их от синтеза, который лишь позволил бы им с достаточным осознанием и благоразумием подойти к наиболее опасным аспектам искусства. Алхимики, которые предшествовали нам, обладали проницательностью, чтобы работать только с очень небольшими количествами материи, не потому, что лабораторные приборы были тогда слишком примитивны, а потому, что они знали, до какой степени они могут продолжать контролировать свою работу, будучи несовершенными людьми. Если им требовалось большее количество эликсира, как это делали врачи во время чумы, они повторяли работу, всегда в меру своих возможностей, пока не исчерпали свои запасы. Евангелисты, свидетельствующие о преображении Христа, рассказывают нам, что ученики пали лицом на землю, не выдержав силы света, исходившего от Него, хотя явление того огня огней и той ясности ясности не длилось даже необходимое время, чтобы апостол Петр произнес хоть одно слово [\[27\]](#). Итак, представим себе менее совершенный огонь, но, по крайней мере, столь же интенсивный, развязанный безрассудными воздуходувками, которые к тому же подпитывают его месяцами, потому что в силу самого своего несовершенства он в настоящее время более сносен...

Трудность алхимии заключается в необходимой мере, в градации тех *тайных огней*, которые, если они могут привести трансмутацию к ее зрелости и завершению, могут точно так же спровоцировать взрыв горнила, появление цикла четырех возрастов и той же проститутки. Как прав Вальдес Леаль, что в своей живописи он уделяет весу центральное место, *ни больше, ни меньше*! В любом случае и с учетом всего, слишком слабый огонь был бы гораздо лучше: ученик не получил бы ничего или, в лучшем случае, аберрантных состояний, которые вскоре превратились бы в обычную мертвую материю. Недостаток терпения, воля к заранее воображаемым результатам, очень далеким от регенерационных возможностей природы, или, короче, безумная жажда демиургической силы чаще всего приводят к усилению пожаров сверх того, что возможно. если его интенсивность компенсировала незрелость произведения. Последняя из домохозяек прекрасно знает, что если она увеличит нагрев утюга, чтобы разгладить неподатливую

складку, она рискует опалить ткань, а если она будет настаивать, то ожог может оказаться непоправимым. Одежду лучше намочить и аккуратно высушить. Но уроки этой практической мудрости, пожалуй, труднее всего передать этим могущественным воздуходувам, могущественным в этом мире и в этом мире, опьяненным своими страстями, питаемыми всеми химерами, которые сам термин алхимия вызывает у непосвященных.

В век Людовика XIV воздуходувки мечтали наполнить свои подвалы горами золота, соревнуясь таким образом с тщеславным великолепием королей. Нынешний вздор едва ли можно назвать мелким и менее наивным, хотя и значительно более зловещим. Именно от скрытой власти над душой мира и народов опьяняются они, используя тривиальные средства политики или экономики и знания, возникающие из переполняющей науки, для достижения этого безразлично. С одной стороны, оно осмеливается прикоснуться к зародышу жизни, производя, чтобы сеять ужас, вирусы с неизлечимыми для обычной медицины последствиями — некоторые из них настолько разрушительны, что даже универсальная медицина не успеет подействовать. С другой стороны, имитируется инверсия магнитных полюсов или искажаются земные поля, чтобы привести массы в состояния гипноза, медиумической доступности или слепой ярости. Или регулирование климата и времени преднамеренно подвергается нападкам. Наконец, извращается теургия и вызываются чудовища, которых даже самые выродившиеся ассирийские маги не осмелились бы вытащить из своих бездн. Мифические атланты рисковали этими унижительными практиками у всех на виду; сегодняшние настоящие воздуходувки добавляют к извращению практик секретность.

АЛХИМИЧЕСКИЙ СЕКРЕТ

ПОМНИМ , ЧТО писали: «Алхимия темна, потому что она скрыта. Философы, желавшие передать потомству изложение своего учения и плоды своих трудов, были вполне избавлены от распространения искусства, представив его в общепринятой форме, чтобы непосвященные не могли злоупотреблять им». [28]. Это правило сокрытия длилось веками, если не тысячелетиями, и ни один философ не нарушил его. Сохранение секретности, использование неясного языка, символов и фонетической кабалы, которым мы уже привели достаточно примеров в наших предыдущих работах, оправдываются дистанцией между алхимическим знанием и заботами мира. Еще в первой половине того века мы могли утверждать: «химия — это наука о фактах, точно так же, как алхимия — это наука о причинах». [29]. Завеса должна была оставаться над самыми фундаментальными арканами; использование химии в ужасах траншейной войны не могло не подтолкнуть нас к тому, чтобы скрыть страшный потенциал, таящийся в глубинах самой скромной материи.

С тех пор современная наука, перешагнувшая границы, отделявшие ее от алхимии, начинает интересоваться причинами, а не чисто материальными следствиями. Мы видели некоторые из наших мелких деталей, описанных в популярных журналах, а также некоторые этапы работы. В этих условиях пользоваться символическим языком уже бесполезно, тем более что его извращенное употребление — соблазн, которого так боялись философы, — стало повседневной игрой военных держав и их спецслужб. Некоторые алхимики до сих пор любят традиционные метафоры для эстетического чувства или для сохранения ключей чтения старых трактатов; и в ней нет ничего, кроме элегантности франтов [30]. Мы осознаем необходимость сохранения нескольких последних тайн, которые остаются неясными для профанной науки, и мы не намерены облегчать задачу варварам. Но, повинувшись духу, который оживлял древних философов, а не букве, которая убивает, нынешнее время требует говорить громко и сильно. Когда вор уже в доме, бесполезно запирать засовы.

Тайна становится покровом тени, который окружает тех, кто, нарушив меры предосторожности алхимиков прошлого, расшифровал, благодаря работе физиков и биологов, оставленные ими подсказки. Пока уравнения единиц или мифологические

символы древних адептов понимаются лишь горсткой людей, эти бандиты сохраняют за собой силу, которая исходит от понимания причин, и они будут доводить людей до худшего, из сервитутов: что из души. Его каста и гордость стремятся править из неприступной крепости, окруженной тем, что сэр Уинстон Черчилль назвал «стеной лжи». Писать теперь на непонятном языке вполне утешало бы его фокусы. Текущая обязанность алхимика - раскрыть то, что украли эти дикари, дав их жертвам средства для обеспечения их собственной защиты.

Мы ясно видим сложность задачи, так как недостаточно выдавать предупреждения, как это делают некоторые. Художник обнаруживает в своей лаборатории, что между его существом и субстанцией, бурлящей в его тигле, устанавливается тесная духовная, эмоциональная и физическая связь. Благодаря встречающимся препятствиям он находит то, что нужно умиротворить и что нужно исправить в себе, чтобы и дальше быть в состоянии вести минерал к его совершенству. А это зачастую самая сложная задача. Научитесь прикасаться, не падая, к безднам неразумия, когда магнетические эманации приходят, чтобы нарушить ваше психическое равновесие. Но как предложить в качестве лекарства обычным людям, которым искусственно навязаны подобные условия, этот долгий и трудный аскетизм? Невежество, неверие, сложность задачи будут обескураживать их еще больше, поскольку они не привыкли к требуемым навыкам самоанализа. Алхимик также узнает, до какой степени материя сопротивляется, если она по неосторожности заставляет свою эволюцию. И именно это сопротивление мы пытаемся поощрять.

Секрет алхимии не ограничивается необходимостью защищать злые души от силы, которую следует использовать с величайшим уважением. Любовные метафоры, которыми древние философы украшали свои сочинения, передают ту степень близости, которая устанавливается между художником и его работой и которую нельзя выразить никаким уравнением. Святой Матфей, рассказывающий нам об учении Христа на горе, является лучшим его толкователем: «Когда молишься, войди в горницу твою, затвори дверь и помолись Отцу твоему, Который втайне пребывает».^[31] В свою очередь, Валентин Андреэ в своей «Химической свадьбе» утверждает, что Христиан Розенкрейц совершает ошибку, созерцая Венеру в ее наготе без приглашения.^[32] Над этими свадьбами удобно накинуть завесу скромности и молчания, что и позволяет им быть по-настоящему оперативными. Мы сомневаемся, что дуэты с демиургическими намерениями могут достичь интенсивности таких помолвок. Его отношение к материи может только отражать его волю подчинить ее; они обращаются с ней как с рабыней, а не как с любовницей, и если им удастся добиться от нее достаточного подчинения, чтобы не сделать ее бесплодной, они получают не что иное, как несовершенный камень, способный, без сомнения, произвести некоторые преобразования в металлической структуре, но далеки от *медицины мудрецов*. Чтобы достичь совершенства в работе, им сначала нужно было излечиться от собственной проказы гордыни.

Так вот, если несовершенной медицине удастся на какое-то время обуздать телесную дряхлость или устранять несчастные случаи, угрожающие жизни человека, она всегда в конце концов восстает против своего родителя.

Легенда о Фаусте обильно иллюстрирует это: обращение к Мефистофелю, который представляет себя «духом, который всегда отрицает», дает ему иллюзию вечной юности только до окончательного падения в страх и заброшенность. Имя Мефистофель построено из фонетической каббалы на греческом языке. Оно начинается с отрицания Μπ; за ним мы можем услышать корень φης-, будущее глагола φημι, что означает утверждать, советовать, приказывать: сила, которую он заставляет сиять, отвергается до того, как Фауст вкусит ее; окончание существительного строит существительное вокруг глагола τυφωω, возвращаться гордым. Для бесшабашного алхимика, вызывающего его в отчаянии своих неудач, последствия обращения к Мефисто уже страшны, но и вызывают неконтролируемый катаклизм в горниле: φουσις, природа, или, лучше сказать, сила внутреннего роста, оно обостряется в τυφω, которое разгорается в τυφων, торнадо, от которого происходит наше слово тайфун. Кроме того, φουα обозначает дыхание, ветер или высокомерие. Кто сеет ветер, тот пожинает бурю, гласит народная мудрость. То, что обещал отрицающий дух, будет огненной бурей, которая поднимется как наказание, приготовленное божественной справедливостью против тех, кто попытается навязать ее вселенной.

Речь идет об очистительном сожжении, о котором говорит апостол Павел, напоминая о последних днях, когда говорит, что не все умрут, но все преобразятся; что, испытав дела свои, человек спасется как бы из огня [\[33\]](#). Пока не наступит назначенное Земле время, огненный смерч не сможет распространиться, а лишь поглотит тех, кто в своей гордыне его вызвал. Поэтому да укрепятся сердца. Лжепророки говорят о мире, и мы должны вооружиться для битвы [\[34\]](#); они пугают слабых возвещением о пламени, которое сожжет только тех, кто его развяжет. Хватит вредных комет, блуждающих метеоритов, беспорядочных космических станций, пока Ангел не обнажил меч Правосудия! Не написано ли, что "никто не знает дня и часа, кроме Отца Небесного" [\[35\]](#)? Хватит предавать старого Нострадамуса! Разве он не заставил замолчать гордых и глупых [\[36\]](#)? Как мы уже писали, удобно хладнокровно ждать высшего часа [\[37\]](#); но мы никогда не посоветуем пугать людей сказками о старом, и не посмеем назначить человеческий час Концу времен. Алхимику достаточно того, что он вкушает первые плоды, когда труба звучит в его горниле.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТЕМЕ

МУДРЕЦОВ

Алхимики всегда работали только с минеральным веществом: это гораздо больше, чем правило искусства. Не то чтобы алхимия не могла действовать в других областях, и мы уже видели, что она применяется к управлению человеческими обществами. Но хотя божественное вдохновение, которое утвердило первых учителей герметизма, позволило им насладиться знанием во всей невинности, оно не сняло по этой причине запрета на Древо Жизни. Некоторым аптекарям удалось преодолеть спагирические рецепты, извлекая из растений поистине типичные лекарства. Мы знаем только троих, которые практиковали на заводе искусство Гермеса и оставили несколько трактатов: Хильдегарда Бингенская, Парацельс и, в этом столетии, Арманд Барбо. Если и были другие, как мы подозреваем среди великих арабских или еврейских врачей, таких как Гебер или Ибн Калдун, то они работали в большей секретности, чем философы-химики, оставив потомству только рецепты некоторых мелких полезных личностей, но это они не нуждались в более продвинутом посвящении.

Таких мастеров еще меньше, чем адептов искусства металла. Если им разрешено работать с овощами, то это потому, что Бог дал животным и человеку в пищу, прежде всего, фрукты и травы; и он поместил Адама в Эдемский сад, «чтобы возделывать его и хранить его», как сказано в Бытии. Когда Каин попытался восстановить эту растительную работу из Эдема, он получил только нечистые подношения, а его потомки, Юбал и Тубал-Каин, могли заниматься только искусством музыки и металла. Тем не менее, мы видим, как Ной сажает виноградную лозу, покидая Ковчег, предаваясь, с изобретением вина, работе, более близкой к алхимии, чем просто спагирика. Но ни одному сыну Гермеса никогда не разрешалось практиковать на одном и том же животном или на выделениях живых тел. Менструации, молоко, моча или слезы, которые мы находим в алхимических текстах, следует воспринимать метафорически, как тропы минеральных выделений.

До XVIII века запрет распространялся и на светскую науку, хотя и несколько смягченный, так как для большинства спагиристов и ремесленников использование кожи, мочи, жира и даже, в отдельных случаях, крови животных, забитых для нужд

человека, было законным. [\[38\]](#). Чтобы обеспечить существование человечества, лишенного своих прежних ресурсов, ему не разрешалось выходить за рамки разрешения, данного Богом после Потопа, и использовать животных в пищу, термин, который следует понимать как означающий жизненные потребности. Однако мы видим, что Моисей строго регулирует употребление, подвергая его искупительным ритуалам. Развратники, претендовавшие на «свет», имели заслугу в том, что отвергли многочисленные суеверия и препятствия, накопленные обычаем, ленью или непониманием старых правил; но они также совершили неосторожность, нарушив границы, которые Бог установил для управления людьми, и среди них запрет поощрять исследования живых существ сверх потребностей. Опыт Гальвани не послужил ни медицине, ни зарождающейся физике; Вольт был наиболее полезен, когда речь шла об электричестве. Это все еще были не более чем отдельные акты. В конце прошлого века мы видели, как врачи нарушали клятву Гиппократата и подвергали пенсионеров в приютах и тюрьмах настоящим электрическим пыткам, не говоря уже о живых животных, под предлогом следствия; и таким образом мы поняли, что светская наука граничит с бездной. Так вот, у нас не было никаких признаков того, что Бог снял свой запрет на прикосновение к Древу Жизни.

В конечном счете, давайте признаем, что лучше тестировать новые лекарства на вирусных культурах *in vitro*, чем делать это вначале в больницах; и допустим, что лекарства испытывают на обезьянах или крысах: такие жертвы могут быть оправданы тем облегчением, которое они позже принесут больным. Но когда кроликов пытаются на косметических фабриках или кошек обезвреживают, чтобы более щадящими методами установить известные ритмы сна у человека, то оправдание — сплошное лицемерие. Кто поверит, что лакировать женские волосы — жизненная необходимость? Полезность этого рабства, состоящего во вживлении электродов в мозг животных и людей, чтобы управлять их поведением посредством излучения Герца, ускользает от нашего понимания — мы должны это признать. Незаметно, соглашаясь обращаться с живыми существами как с минералами, оставаясь при этом на уровне мирских наук, мудрецы становятся палачами. Божественный запрет был призван, во-первых, предотвратить эту мерзость, от которой человек теряет гораздо больше, чем может приобрести его ненасытное любопытство.

Все знают или чувствуют, что геновая инженерия переходит последние пределы, о чем свидетельствуют мучительные дебаты законодателей и комитетов по этике. Биологи создают новые вирусы так же, как спагиристы делают золото, и к ним можно применить изречение о том, что *легче создать, чем уничтожить*. Как осмелились врачи нарушить свою самую торжественную клятву, вплоть до исследования орудий истребления, а не средств от человеческих страданий?

Не будем говорить, что это последний круг *Кали-юги*, обязательное проявление циклической деградации! Не! Эта трансгрессия выходит далеко за рамки беспорядка, вызванного ситуацией упадка. То, что мы видим, — перевернутая алхимия, опасно близкая к непоправимому греху против духа, и те, кто оправдывает такие мерзости, копят горящие угли на свою голову. Нынешняя пассивность

выражает бессилие народа избавиться от горстки безумных демиургов; если бы они получили от них еще больше, согласие сердца, то планета была бы готова; тогда обрушится поток огня, или какая-нибудь блуждающая звезда разрушит при столкновении гнездо скорпионов, в котором она должна была оказаться. Десяти праведников было бы достаточно, чтобы спасти Содом, и под праведностью Авраам понимал людей, чьи сердца отказывались осквернять ангелов; не совершенные существа или святые. Лот вел себя как хитрый сельский житель, но не теряя уважения ни к себе, ни к другим, и зная, где поставить ограничения, налагаемые на людей. [39]. В этом смысле будет найдено более десяти, необходимых для сохранения божественной руки.

Генная инженерия находится в своем первом богохульном лепете, но сегодня это уже не просто эмпирическое знание. Однако ему все еще не хватает существенного знания, без которого любая попытка алхимической работы фатально отклонится в сторону инверсии (и это при условии, что повторная неудача не положит ей конец): божественного откровения о совершенстве, которое должно быть достигнуто. С того момента, как он зажжет свой первый огонь, герметик, намеревающийся совершить Великую Работу, знает, что он ищет квинтэссенцию. Хотя они имеют лишь смутное предчувствие того, что это может быть, они будут руководствоваться писаниями древних и указаниями своих учителей. Даже алхимики [40] прошлых лет они стремились достичь золота и серебра, отрывая их от сделки вульгарных тел, зная понаслышке, что они были благороднейшими металлами. Но запрет на работу с животной материей является следствием нашего невежества в отношении того, какое совершенство может быть в этом царстве, и в отношении божественного замысла в отношении лягушек, кузнечиков, кошек, собак, китов или жирафов.

В этом отношении шумерские или греческие мифы, а также древнееврейский *мидраш* содержат очень четкие предупреждения о том, чего можно ожидать от необдуманной работы над живой материей. Когда его время истекло, случайно или из-за восстания, *Тиомат*, Гη или *Лилит*, которая символизирует *матричную материю* происхождения, выходит из его покоя, он только порождает монстров, жаждущих человеческой жизни, таких как гидры, горгоны, вампиры или химеры. У шумеров встреча богов была необходима, чтобы покончить с ними, в то время как греки оставили героям, рожденным от союза бога и смертного, задание убивать чудовищ. Нет лучшего способа подтвердить, что человеческих сил недостаточно, чтобы разрушить анархическое производство безрассудно высвобождаемого *матричного витэ*. Пусть распространяются трансгенные растения: если в конце концов их действие окажется смертельным, то как мы можем гарантировать, даже выкорчевывая все известные растения, что ни одна пыльца не передала свои лишние гены на другие поля или какому-нибудь дикому сорту, или что они не высосали пчелы? По крайней мере, у лернийской гидры все головы вышли из одного тела!

Жизнь образует единое целое, как уже обнаружили экологи. Речь идет не о политических движениях, а о мудрецах, которые наблюдают совмещение царств и

естественные циклы трансформации. Гены, введенные в кукурузу для защиты от «паразитических» насекомых, в первую очередь побуждают их модифицировать свои собственные гены, чтобы продолжать питаться. Мало-помалу, от реакции к реакции, как далеко мы собираемся зайти? Никто не знал бы, как это предсказать; поскольку никто не знал бы, как предвидеть корректирующие мутации, которые потребуются для продолжения божественной Работы, понял человек. Когда будет понято, что запрет, тяготеющий над Древом Жизни, предназначен для нашей собственной защиты, а не для какой-то тиранической прихоти?

Наши намерения — не намерения непоколебимых «традиционалистов», для которых мудрость состоит в том, чтобы вернуться к образам жизни или мышления и приемам, которые знали наши прадеды... кора и разделочные ножи из кремня. Скорее, усилия, направленные на формирование цивилизаций, расширение знаний и ноу-хау, должны вызывать у нас возгласы восхищения. Так много изобретательности, столько терпеливого труда и столько мужества не есть чистое тщеславие, и мы уже говорили прежде, до какой степени нечестивые мудрецы заслуживают нашего уважения. Запрет, о котором мы говорим, не означает, что Бог предпочитает невежественных: вложил бы Он столько любопытства в сердце человека, если бы ему нужно было только преданное животное? Нашим прародителям было дано владычество над всеми низшими царствами и, таким образом, право открывать законы, управляющие космосом, которые Творец установил с помощью «числа, веса и меры». Сама сложность экологических взаимосвязей не должна удерживать нас от их изучения.

Проблема запрета и его нарушения гораздо тоньше, чем простой моральный барьер. На вопрос саддукеев о смысле воскресения, через казуистику, полную уловок о браке, Христос отвечает фразой, которой следует придать полный размах: человек, говорит он, станет таким же, как Ангелы [\[41\]](#).

Следовательно, ему предстоит совершить для себя и для природы ангельскую работу, зародышем или предвосхищением которой является алхимия. Такая работа не могла проводиться вслепую. Мало того, *что ничего нельзя сделать без знания цели*, и, повторим, цель живого еще не раскрыта, но, кроме того, пришлось бы столкнуться с опасностью нечистой квинтэссенции. Опыт, приобретенный при работе с металлами, убедил нас в трудности этой последней очистки. Прикосновение к жизни потребовало бы гораздо большей чистоты, больше, чем современный человек может вынести, не погибнув.

Таково значение запрета и присутствия *херувима* с пламенным мечом перед Древом Жизни. Человек не знал бы, как пересечь огненный барьер, кроме как в той мере, в какой он заново открывает для себя ангельский рост, который был у него в Раю. Но этот предел времени, результат грехопадения и помрачения его души, нигде не вписан в человека или в осязаемую вселенную, и Бог не отозвал обещание настоящего искусства во всех царствах. Запрет простирается перед человеком как бесконечный горизонт, а не как стена крепости, в которой он был бы заперт. Поэтому никто не смог бы четко установить, где проходит черта, как не нашел бы ребенок клад у подножия радуги. Однако один шаг слишком далеко, и пылающий

меч падает. Разум, благоразумие, уважение к природе и жизни, главным призванием которых является быть слугой, садовником или пастухом, и благоразумие духов являются единственным надежным проводником в этих областях с уверенностью, что Бог не допустит доступ к ангельскому концерту перед последним очищением не делает нас достойными. За исключением, быть может, того, что жаждущему согрешения будет позволено на время ложное знакомство с ангелами тьмы.

Христос упоминает этот момент в притче о свадьбе. Опустим непокорных гостей и призыв к калекам, нищим и бедолагам, ходящим по дорогам (что позволяет не питать иллюзий о собственной ценности), посмотреть на судьбу отверженного человека в пиршественном зале. В восточных странах и особенно в Иудее именно жених, у дверей дома, одевает своих гостей в свадебное платье, легкую белую тунику, *сотканную золотыми или серебряными нитями*, чтобы покрыть или заменить обычные платья, так что никто из гостей не будет смущен, если они бедны или хотят затмить всех показной одеждой. Если Король удивляет кого-то без этого одеяния света, то это потому, что он отказался надеть его, когда ему его предложили. Что же есть одеяние света, как не знак очищения? Мы имеем дело с разбойником, который хочет снова насладиться ангельскими способностями, данными человеку, но не желая пройти через очищение, то есть через огонь (тур по-гречески) *херувима*, и который поэтому отказывается практиковать в невинности. Если, избегая огня Хранителя, ему удастся проникнуть внутрь, его участь будет хуже той, которую показывает проблематичное состояние человека сегодня: он будет *связан*; а именно, в нем, в его природе, будут подавлены потенциальные ангельские способности, и он будет *брошен во тьму внешнюю* и, таким образом, лишен всякого эзотерического откровения. Ничто не убеждает нас в том, что это состояние должно быть окончательным, но прежде чем восстановить целостность своей человечности, он, несомненно, должен доказать, что он согласен подчинить свое сердце и свою волю огню Ангела.

ИЗУМРУДНЫЙ СТОЛ

Трумэн приказал сбросить первую атомную бомбу на Хиросиму — бесполезную со стратегической точки зрения, поскольку обескровленная Япония готовилась к капитуляции, а капитуляция эта ожидалась лишь через несколько дней, — мы пришли к уверенности, что группа мужчин тайно преследовала более важную цель, чем прекращение войны. Господин Трумэн и его советники хотели не только испытать свою смертоносную игрушку в реальных условиях, но и гарантировать американскому правительству беспрецедентное первенство, и доказать это в глазах всего мира. Мы не понимали точных масштабов его проекта, который затем мог пройти через амбиции вселенской империи нового Рима. В последующие десятилетия проект становился ясным на наших глазах. Он был тесно связан с кратчайшим и наиболее важным из алхимических сочинений: *Изумрудной Скрижалью*.

Давайте перечитаем этот большой текст, чтобы прокомментировать приспособления, которые они сделали для достижения ориентированного управления обществами и развития наук.

Это правда, без лжи, правда и очень правда :

То, что внизу, подобно тому, что вверху, и то, что вверху, подобно тому, что внизу; такими вещами творятся чудеса. И как все вещи существуют и исходят из ОДНОГО, через посредство ОДНОГО, так и все вещи рождаются из этой уникальной вещи посредством приспособления.

Глубинное единство всех вещей ощущалось с древних времен индусскими и греческими философами, о чем свидетельствуют *Упанишады* и *Поэма Парменида*. Глубокий смысл этого отрывка раскрыт в многочисленных комментариях, и мы не будем настаивать на этом. Физики, которых мы знали до войны, называли его *единичным полем* и иногда отчаивались достичь его своими расчетами и проникнуть в его эффекты. В этом отношении мы не поощряли и не препятствовали их усилиям. Сознвая угрозы, которые тяготили мир конвульсии в Германии и кристаллизация темных сил, некоторые из этих мудрецов мечтали в то время об объединении человеческих обществ в одну миролюбивую цивилизацию, которая была бы как бы отражением *унитарного поля* в деле. Они были, как мы уже говорили, подобны

детям, ослепленным светом Порога, не подозревавшим об опасностях и переполненным энтузиазмом. Как в сказках, они готовились победить волка, чтобы прожить счастливо до конца своих дней. Как они пришли к такому количеству иллюзий относительно того, что готовилось десятилетиями в западных инициативных обществах, которые, однако, часто посещали некоторые из них? Как могли они отдаться военным и политическим лидерам Америки, уже не связанные по рукам и ногам, а шалющие, как дети, бегущие за Гамельнским Крысоловом?

Первые работы, в которых они использовались, касались *унитарного поля*. Напрасно, как мы уже и предполагали. Некоторые странные секреты, переданные нам мистером Розеном, ассистентом профессора Эйнштейна, касались отказа от исследований из-за ужасных случайностей, в которых они ничего не понимали и которые их уравнения не позволяли предвидеть. Командующие, адмиралы *ВМФ* или директора учреждений, созданных по обстоятельствам, зависящих от министра обороны, требовали строжайшей секретности и изолировали свидетелей. Если физическое поле сопротивлялось всем возможным усилиям, то идея объединения людей все же шла вперед, а акционеры промышленности продолжали свои расчеты, соблазненные не столько надеждой на исчезновение войн, сколько перспективой незримого мирового империя на службе Америки.

Было ли это тогда, когда некоторые лихорадочные умы осознали сходство между заботами мудрецов и первыми стихами *Изумрудной Скрижали*, или они уже лелеяли амбиции изменить мир, «примирив» традицию и современность, во что верит большинство из нас? эпигоны эзотеризма посвятили себя если не противостоянию, то разъединению? У нас нет ответа на этот вопрос. С конца прошлого века западный эзотеризм проявлял себя как огороженная территория, на которой сталкивались воли и проекты, традиционные только с виду, среди которых нацизм являл собой наиболее прискорбный пример. Фаустовские глупости! До тех пор, по крайней мере, эти химеры варились в замкнутом цикле, в подсобных помещениях некоторых пыльных книжных магазинов или в личных комнатах некоторых скукоженных держателей банковских счетов. Но нацистская авантюра породила у многих иллюзию, что власть находится в пределах досягаемости смелых. Синархия г-на д'Альвейдра, первоначально не что иное, как бледное подражание средневековому обществу, приняла вид скрытой диктатуры «неизвестных начальников», и каждый из трубачей, как мало он ни примешивался к магическим обрядам в моды, он чувствовал себя размером с Калиостро.

Солнце - его *отец*...

После частичного провала работ по унитарному полю в 1943 г. вновь вернулся интерес к внутриатомным энергиям. На самом деле уже было предпринято несколько попыток «стеков», по крайней мере, на бумаге, и именно страх перед цепной реакцией удерживал мудрецов от попытки высвободить взрывную силу *Птаха*. Предлогом послужило письмо г-на Эйнштейна президенту Рузвельту. Но расскажите о костях собакам и бомбах военным, и вы услышите, как они воют от восторга! Все знают продолжение. Г-н Оппенгеймер, цитируя перед огнем Тополей стихи *Махабхараты*: «Если бы вдруг в небе вспыхнула вспышка тысячи солнц, ее

сияние едва ли приблизилось бы к великолепию этого зрелища... [42] подтвердил в глазах учеников-демиургов точность *Изумрудной Скрижали*. Нужно было еще тому Солнцу, зачатою рукой человека, предстать перед миром в сиянии облаков; разбойники знали Библию и ее псалом 18: «Восходил дым от ноздрей Его и огонь поядающий из уст Его... От молний Его пред Ним облака таяли в град и горящие угли...». С которым президент Трумэн отдал приказ бомбить Хиросиму и Нагасаки, чтобы убедительно доказать, что лучи и сила звезд принадлежат не только Зевсу Олимпийскому, но и человеку... некоторым людям.

... и Луна его мать.

Получив контроль над ядерным солнцем и окончив войну, они не остановились, пока не заручились услугами мистера фон Брауна и не усовершенствовали свои Фау-2. Космическая гонка достигла апогея, когда ее астронавты в водолазных костюмах сделали несколько шагов по нашему спутнику. Такая буквальная интерпретация могла бы быть минетом, но ее применение кажется еще более коварным. «Покорение» Луны было прекращено вскоре после этой неуклюжей прогулки: несомненно, они хотели только отметить души людей символическим отпечатком. Как и в случае с бомбардировкой Хиросимы, такой мнимый акт должен убедить людей в достигнутом господстве над космическими силами, создав иллюзию того, что за их спиной все участвуют в процессе, который они на самом деле приберегли для себя.

Ветер унес его в животе.

Как и в случае с Луной, они буквально считывали ветер и продолжали управлять погодой и удерживать воздушные массы с помощью «волновых стен», направленных на целые континенты, аналогично магнитному удержанию потоков частиц в больших ускорителях. Первые опыты 1975 и 1976 годов выходили из-под контроля на несколько месяцев; второй, в 1983 году, имел лучшие результаты; но тайна не была раскрыта, несмотря на слухи, ходившие в университетах. Социальный аналог господства над ветрами превратился в попытку контролировать общественное мнение, которое Вергилий называл *славой volans*, такой же мимолетной и изменчивой, как ветерок.

Земля — его кормилица и вместилище.

Чтобы обеспечить возврат к какой-либо форме плотной материи, они предпочли работу над живыми существами и генной инженерией, о которых мы уже упоминали с воодушевляющими нас оговорками.

Четыре упоминания, открывающие этот стих *Изумрудной Скрижали*, чей перевод в действия мы только что прокомментировали, соответствуют в каноническом алхимическом прочтении — хотя и в странном порядке — четырем элементам: огню, воде, воздуху и земле, чередующимся между собой. тонкие и толстые, горячие и холодные. Проследим эволюцию, соответствующую первым четырем дням Бытия, от эфира до завершения воплощения. Божественная Работа творения, открытая великим Гермесом, точно следует «циклу» четырех Эпох: золотой век Солнца, серебряный век Луны, бронзовый век странствующих героев, чьи странствия

обладают свободой ветра. , железный век уплотнился до предела. Читатель лучше поймет, почему появление этого цикла после завершения процесса Творения означает, что была допущена ошибка. В самом деле, как только завершилось материальное уплотнение космоса, уже не было необходимости идти дальше. Допустим даже, по аналогии, что этот цикл относится и к цивилизациям: он должен был бы подытожить их рождение, но, раз они сформировались, зачем уничтожать их, возобновляя *ad libitum* прорастание аборт? Несмотря на нелепость такого бесконечно вращающегося холостого колеса, мы могли бы допустить этот цикл, если бы учение Гермеса остановилось на этом; но, кратко прокомментировав эту первую стадию божественной Работы и познакомив своих учеников с созерцанием ее истоков, он продолжает, описывая другие операции.

Неожиданное появление в горниле цикла четырех веков имеет тенденцию естественным образом восстанавливать то, что случайно было слишком нарушено, или иногда получать «коррекцию» слишком продвинутого воплощения. Однако бывает в истории цивилизаций, что это привносит в них реальное творение, хотя мы знаем только один пример, растянувшийся на несколько тысячелетий, от пробуждения, вызванного последней инверсией полюсов. Если рассматривать его в более коротком масштабе, то он неизбежно подчиняется какой-нибудь кровавой ярости или чрезмерной гордыне и ведет к фазе одновременно хаотической и окаменевшей, чей «естественный» исход, как мы уже говорили, управляется насилием Маленький *Ragnarök*. Это было спланировано здесь и запрограммировано извращенными демиургами, которые, кажется, первыми поняли смысл и хотели навязать миру вне времени, отмеченного Творцом, воссоздание цивилизации, аналогичное «неолитической революции». Ни один алхимик не пытался провести такую принудительную индукцию в своем тигле, или, по крайней мере, никто об этом не говорит; и нам кажется разумным думать, что это привело бы не к «новому миру», а к обычным беспорядкам.

Отметим также символические, *жесткие и нефилософские эквивалентности*, введенные между элементами и научными или социальными практиками. Огню соответствует энергия атома; к лунной воде завоевание пространства приравнивается к навигации; к воздуху, климату и мнению; на землю, живые существа. Древние не допустили бы ничего из этой классификации, распределяющей разнородные факторы довольно произвольно; но мы находим его даже в популярных метафорах или в произведениях писателей. В любом случае это *софистика*, как у нас провозгласили бы ее старые мастера.

Отец всего, Телема вселенского мира, здесь. Его сила или могущество остается целым, если оно вновь превращается в землю.

Этими фразами Гермес Трисмегист резюмирует и комментирует состояние законченного Творения. Наши демиурги поняли это не как оставшуюся часть седьмого дня, а как наставление для продолжения своей работы; а так как идет речь о «превращении в землю», то они приложили свои силы к тому, чтобы возникли существа, которых до тех пор не существовало, новые вирусы в биологии, сверхтяжелые тела в физике, поскольку, к счастью, их искусство не позволяет им

поднять видов за пределами структурного воплощения первой степени. Бактерии или трансгенные растения — это всего лишь видоизмененные организмы, а не новые существа.

Ты отделишь землю от огня, тонкое от густого, осторожно, с великим усердием.

Чем яснее эта фраза для алхимика, тем труднее нам было понять, как те другие интерпретировали ее в своих целях. Отделение тонкого от толстого имело смысл в теории информации: различие между *твердым* (толстым) и *мягким* (тонким). Когда дело дошло до земли и огня, нужно ли было отделить биологию от физики? Возможно, чтобы противопоставить обе техники манипулирования атомом, служащие делению тяжелых элементов для производства внутренней энергии, и резервируя синтез — *аналог звездного огня* — для водородной бомбы? Это последнее решение могло бы объяснить, почему исследования в области управляемого синтеза систематически не поощрялись, хотя бы потому, что исследователям отказывали в субсидиях и лабораториях, необходимых для его разработки. Такое равнодушие не имеет экономического смысла: в природе изобилует водород; в то время как уран встречается только в нескольких шахтах и требует самых дорогих процедур добычи. Это также не оправдано связанными с этим рисками, поскольку при делении образуются смертельные отходы, которые затем необходимо снова хранить, контролировать или перерабатывать. Аберрация этой политики привлекала внимание многих ученых, которые всегда отказывались от убедительного объяснения.

Он восходит от земли и спускается с неба, и получает силу от вещей высших и вещей низших.

Всякий, кто имел дело с алхимическими сочинениями, поймет, что этот отрывок описывает *восхождение орла*, о котором мы уже говорили несколько раз. Орел появляется на щите Соединенных Штатов, и, кроме того, после падения европейских империй это единственная сила, которая все еще изображает его. Экзотерически, в череде мнимых достижений, призванных закреплять в душе людей узкие аллегории посредством символов, конструкция космического корабля и его публичные приходы и уходы отвечали бы требованиям его иллюзорной программы. Более тайным образом мы видим то здесь, то там попытки связать самую материальную технологию с магическими операциями, спутанными с духовным небом. Они не довольствуются направлением мнений через прессу или телевидение; они хотят волнами проникнуть в умы, перестроить самые сокровенные мысли, как если бы каждый человек был железной пилкой между рукавами магнита.

Тем самым вы обретете славу мира, и всякая тьма убежит от вас.

Давайте никогда не будем пренебрегать этими скрытыми мастерами фаустовской алхимии. В подражание мудрецам они тоже работают в этом мире, причем не для него и даже не с ним. Если они стремились к славе в обычном смысле этого слова, то не прикрывались почти совершенно непрозрачной завесой тайны, едва ли способствующей возвеличиванию тщеславия. У древних слава — это светящаяся энергия, которую персидские мудрецы называли *хварнах*, та же самая энергия, которую проявил Христос во время своего преображения. Как устремиться

к нимбу этой славы, если отказываешься идти путями божественного откровения и производить над собой самые стихийные очищения? Что же такое эта *Glory mundi*, если мы не понимаем ее ни в обычном экзотерическом смысле, ни в ее истинном и духовном смысле? Мы только что видели, что хотят воссоединить и настроить умы так, чтобы сделать их индивидуальными ретрансляторами единой души; вид искусственного пав-анθροπος. Отец Тейяр де Шарден в качестве последнего взгляда на эволюцию объявил о формировании того, что он назвал *ноосферой*. Но кроме того, что пав-анθροπος того, кто хотел быть пророком, как некий предмет гордости в истории человечества, так и не наступил до скончания времен, его появление никоим образом не уменьшило свободу личности. В его духе речь шла о слиянии любви и разума, аналогичного тому, что самые недвусмысленные богословы описали, говоря о тринитарных отношениях Бога. Не нам судить о пронизательности утверждений теологов, ибо полученные нами откровения, без которых наш алхимический труд был бы напрасным, касались совершенства материи и очищения нашей собственной природы. Нас никогда не убеждал оптимизм Тейяра де Шардена, его прямолинейный и милый образ эволюции. И если *ноосфера*, которую он призвал со всей своей визионерской надеждой, должна была проявиться однажды, мы сомневаемся, что это произошло бы до образования новых небес и новой земли, объявленных святым Иоанном.

Ноосфера, навязанная для использования магической силы или стократной интеллектуальной интуиции нескольких ложных демиургов, связана с тем насилием над Ангелами, которое заставило Содом исчезнуть под огнем и серой. Потому что это действительно об Ангеле, заключающем человека в зародыше, и которого они хотят отвлечь от его конечного предназначения. Если только они не хвалятся тем, что сами становятся единственными настоящими людьми, отправляя всех остальных в трясины, как простые клетки порабощенной мыслящей машины. Еще более серьезно: если мы свяжем яркий и говорящий искусственный спутник, предсказанный для входа в трикстерское третье тысячелетие, с бредом вокруг затмения 11 августа 1999 года, то может показаться, что дата успеха назначена; что вынуждает их усиливать давление на народ. Чистое безумие эта стена! Даже подмастерье понимает, что он сбивается с пути природы из-за своих первых ошибок и своих первых фиаско, и останавливает работу, если, быть может, его не заставят начинать все сначала. Гордые не слышат и не видят; в его горниле материя может сопротивляться перманентно, потому что он будет продолжаться до тех пор, пока все не будет непоправимо уничтожено в его руках, также разрушая его по пути.

Мы не будем идти дальше в нашем комментарии к *Изумрудной Табуле*. Пока они делают то, что делают, они никогда не достигнут даже иллюзии истинной *мощной силы всех сил*, которая преодолет все тонкие вещи и проникнет во все твердые вещи, и что космополит справедливо называет *солью земли*. [43]. В своих аспектах, отличных от минералов, квинтэссенция лежит за пределами меча херувима. *Конец мира славы!* Облака закрывают последний свет на картине Вальдеса Леаля, и они открываются только сверху, обнажая пурпур, покрывающий божественную и в то же время естественную руку.

Получив это откровение, без сомнения, искренний алхимик добьется успеха и на нем почиет истинная *Слава мира* . Однако работа, возможная для человека, не проявляется даже во всей своей полноте, а является надеждой на будущее. Подобно волхвам у ворот Вифлеема или Соломону, строящему Храм, он должен будет возложить свое истинное сокровище на невидимый алтарь Того, перед Кем всякая плоть трепещет от ужаса, в его заблуждениях или в его первом неведении, и с любовной Радостью. когда, исполнив свою часть дела и не будучи в состоянии заранее определить ни день, ни час, созерцает не раскрытие его материи, но Небес и ясность Его Славы. Насколько глупее будет тот, кто предпочитает суетную славу мира сего божественному Дару, еще более светоносному, чем карбункул мудрецов!

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИИ

Изумрудная Скрижаль, ни последовательность планетарных режимов, описанная Иринею Филалетом, **НЕ МОГУТ** быть навязаны силой [\[44\]](#). Алхимия отличается от экзотерической науки соблюдением времени созревания, свойственного материи в процессе труда. Ни к чему, что нужные тела находятся в наличии, в каком бы месте, в какое бы время и в каких бы количествах ни обращались, произойдет обычная химическая реакция; то, что сначала происходит в пробирках, с некоторыми предосторожностями применимо и к промышленным чанам. Алхимия должна учитывать вселенскую взаимозависимость; все не воспроизводимо в любое время. *Mutis Liber* показывает сбор росы под глазами барана и быка, очевидные символы весенних солнечных месяцев в северном полушарии. Если не считать короткого периода, когда поднимаются соки, а растения набирают силу и размножаются, роса, необходимая для спагиристов, не имела бы силы, и ее посредничество не произвело бы ничего. Однако сбор в апреле вокруг Вальпараисо не принесет пользы, так как весна там начинается в сентябре. И мы говорим только о сезонных условиях спагирики и изготовления лекарств из трав, об аптекарском искусстве, которое, как бы оно ни было в высшей степени респектабельно и полезно, не требует и десятой доли тех предосторожностей, которые требуются искусству Гермеса.

Чем короче практикуемые пути, тем больше будет увеличиваться количество материи, если не принимать меры предосторожности для ее дробления, работая каждый раз со слабыми массаами, повторяя работу или имея дело с несколькими тиглями одновременно. Чем тоньше этот материал, тем внимательнее должен быть художник к колебаниям космических условий. Мы знаем о птицеферме в Пуату, которая потеряла весь поголовье за неделю. При вылуплении у цыплят обнаруживались летальные пороки развития. Хозяева обратились в свою страховую компанию, которая отправила на место своих лучших специалистов, которые не могли объяснить эту внезапную мутацию иначе как особо интенсивным потоком космического излучения: земляку возместили его убытки, а дело так и осталось. Если он не будет следить за малейшим симптомом, исходящим от его горнила, чтобы исправить и немедленно вмешаться, алхимик может в несколько мгновений

потерять из-за таких невесомостей целый год работы. Также необходимо будет на лету ловить мимолетные благодатные состояния, благоприятствующие работе, если польза должна быть закреплена.

Чрезвычайная чувствительность работающей материи требует такой же осторожности, как и грудной ребенок, и, подобно последнему, регулирует свой рост посредством влияний, более таинственных, чем регулярный ход часов. Никто не осмелится давать твердую пищу ребенку, у которого еще не режутся зубки. Если хорошо заранее знать фазы работы, бесполезно искусственно провоцировать планетарный режим, если прецедент не закончился благодаря движению, свойственному природе *субъекта мудрецов*. *A fortiori* будет напрасно думать о том, чтобы открыть дело, которое не было подготовлено или подготовка которого не была завершена. Наконец, одна из ловушек, и не последняя, заключается в том, что любой предмет, проработанный канонически как *предмет мудрецов*, может дать *частные результаты*, обнадеживающие, без сомнения, но иллюзорные, даже (и прежде всего), если они похожи друг на друга. вплоть до обмана ожидаемого результата. Древние мастера в этом отношении очень ясны: превращения свинца в золото недостаточно, чтобы утверждать, что Камень получен.

Принудительное применение *Изумрудной Скрижали* в том виде, в каком мы наблюдаем его развертывание в течение полувека, никогда не принимало во внимание алхимическую поговорку о том, что все живет. Наоборот, именно жизнь трактуется как инертная вещь или как нечто механическое. По этой причине мы сомневаемся, что демиурги извлекли из сопротивления необходимый урок, что их субъект не перестал им противостоять, будь то элементы природы или человеческого общества. Политическое объединение планеты, его первый этап, не произошло в большей степени при создании ООН, чем сегодня, когда его ждали от навязанной им *ноосферы*, *несмотря на их усилия смешать народы, сделать с чистого листа культурных идентичностей*, с добровольным и коварным забвением Истории до стартового пистолета его проекта, а именно до 1914 года. Мы наблюдаем даже *противоположное* — и это движение не перестанет углубляться — возрождению собственных воспоминаний о городах. Планетарный союз произойдет однажды, без сомнения, в конце нынешней эры; но она будет симфонической, а не монодической, и более духовной, чем политической.

Параллельно с *Изумрудной Скрижалю* ложные демиурги использовали другие алхимические тексты, не понимая их лучше. Почему президент Трумэн хотел холодной войны, которой в то время не хотел Сталин? [\[45\]](#), а потому, что его советники читали комментарии к *битве двух естеств* при открытии этого вопроса? Жаль, что не дочитали до конца! В этой герметической борьбе нет победителя; оба противника, истощенные и уничтоженные, уступают место новым и сильным телам, собирающим оба наследия. Но они не хотели этого роста; они делают ставку на победителя, Америку, думая, что с их победой выдохнутся жизненные силы и ресурсы измученной России (как подсказывает первое прочтение боя *Реморы и Саламандры*, описанное Сабино де Сирано Бержерак). [\[46\]](#) и сама будет старым спортсменом и молодой подругой. *В конце концов* им удалось лишь поднять все

народы против этого наглого упыря. Если бы они дошли до истинного конца борьбы, то ни Россия, ни США, а точнее, ни государственное хозяйство, ни капитализм не дожили бы до наших дней. И то, и другое рухнуло бы, чтобы породить совершенно новый способ обмена и производства, формы которого никто не мог вообразить. Такие события уже происходили на протяжении всей истории. Рим, увековеченный как Византия, и Персия противостояли друг другу, пока их силы не истощились. На руинах враждующих империй могла вырасти замечательная арабская цивилизация, которая сияла до семнадцатого века и имела так много художников и ученых до своего нынешнего упадка. Также Римская империя возникла из *взаимного уничтожения* Карфагена и республики Ромула. Ибо не поняв этой необходимости искусства, Америка готовится к судьбе гордой Ассирии, против которой восстали угнетенные и ограбленные народы и которая, несмотря на свою кажущуюся мощь, должна была уступить место мидянам. Однако библейская история Ионы учит нас менее опасной альтернативе: возврату к смирению, добровольному отказу от превосходства. К сожалению, ассирийская Ниневия не поддалась божественным предупреждениям, за исключением этой воображаемой истории, которая, как мы знаем, была помещена в Священном Писании, чтобы призвать будущие силы к большей проницательности.

По крайней мере, это судьба, которая ждет его, если ему удастся удержаться. Мы уже видели, что демиурги поручили ему задачу орлов. Соглашаясь по этому поводу со всеми авторами, Филалетей ограничивает свои полеты семью или девятью. Более активное поощрение этой фазы приводит только к потере как сублимата, так и компоста. Если символическая эквивалентность, которую они навязали, является операциональным минимумом, упорное продвижение Соединенных Штатов над другими нациями приведет лишь к их фрагментации, поскольку эгрегорическая душа федеративного Государства не сможет дальше сохранять свою сплоченность. Следовательно, мы должны стать свидетелями рассеяния входящих в него штатов, и мы уже видим предвестники формирования движения за независимость в Техасе. Слишком плохо проведенный опыт обязательно приводит к взрыву горнилы, и мы уже видим, как оно трескается.

Мы также можем предсказать эту фрагментацию другим способом. Во время войны в Персидском заливе была задумана стратегическая модель для искусственного осуществления пророчества Ангела Гавриила в восьмой главе Книги Даниила: «Козел идет с запада по лицу всей земли, не касаясь земли. У козла есть рог, который торчит между глазами» [\[47\]](#), и сокрушает оленя или барана видения без того, чтобы последний был в состоянии сопротивляться или найти спасение. Несомненно, этот высокомерный баран должен был представлять Вавилон. Даниил уточняет, что его видение имело место в Сузах, а животное было на другом берегу реки Улай, ныне реки Карун, то есть в Персии. Даже если эта река сегодня соединяется с Тигром и Евфратом в общей дельте, берег напротив Суз [\[48\]](#), до слияния находится в Иране а не в Ираке. Верно, что название реки Улай означает на семитских языках *опустошительная* и что в Псалме 136 Вавилон описывается как

опустошительный, Примем это каббалистическое прочтение как приемлемое, хотя и считаем его весьма сомнительным. Продолжение пророчества, однако, должно было дать пищу для размышлений стратегам, видевшим в маленьком Ираке воплощение Вавилона Апокалипсиса: «Пока он [победоносный козел] укрепляется, большой рог раскалывается, и в его поместите росток с четырьмя рогами, указывающий на четыре ветра небесных».

Никто не играет с активными символами безнаказанно. В письменах и картинах древности рог всегда обозначал силу роста. Вот почему букраниум подвешивали рядом с полями или на перемычках дверей владений, или это причина изображать богинь природы, держащих в руках рог изобилия, переполненный плодами, колосьями и цветами. Комментарии ангела Гавриила о чувстве видения вызывают в глазах историка завоевание Александром Персии и распад его империи на четыре эллинистических царства. Но пророческие модели вписаны вне исторического времени и применяются, когда соблюдены необходимые условия, как мы уже видели для цикла четырех веков. Предоставить Соединенным Штатам роль западного козла, или, точнее, сделать эту нацию рогом, собирающим все силы коалиции, означало, благодаря самой магии символа, вызвать четырехгранный перелом над ее головой. Во времена Александра между победой Рабелеса и началом раздела империи, длившегося еще десять лет, прошло двадцать лет. Мы должны рассматривать такие числа как абсолютные интервалы; но давайте сохраним быстроту, с которой ломается единственный рог козла, ибо это делается после триумфа менее чем за одно поколение. Правила преемственности при избрании президента Соединенных Штатов не защитят ни его тайную империю, ни его целостность от причин, зарегистрированных на ангельских небесах. Наследники Александра не могли содержать себя не из-за некомпетентности или личной слабости, а потому, что с них была снята божественная печать власти, и, таким образом, они не смогли добиться необходимого признания души народа.

Если с этой точки зрения Европу удастся уподобить македонской коалиции, она первой выйдет из американской зоны влияния. С другой стороны, мы уже наблюдаем первые толчки этой абстиненции, то ли с пикрохолином [\[49\]](#) война быка и горчицы, или, что более серьезно, с решением построить независимую армию Атлантического пакта. Другие эллинистические царства были построены вокруг столиц Александра. Поскольку Америка не перебрасывала их со своей земли, мы разумно ставим на Нью-Йорк, Чикаго, Даллас или Сан-Франциско.

Рог козла сломан не потому, что он взялся завоевать земли барана, а потому, что он не знал, как умерить свою ярость, чтобы уничтожить ее. Даниил говорит: «Он озлоблен на него». Писатели, возводившие приключение Александра в размеры эпоса, все они упрекали его в слепом гневе и в том переполнении равновесия, которое греки называли $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$, термином, означающим одновременно дерзость и дерзость, оскорбление и жестокое обращение. происходит от $\upsilon\beta\rho\omicron\varsigma$, нарост. Это *самый* испанский, избыток, от которого предостерегает нас Хуан де Вальдес Леаль. Если художник не умеет мерить *ярость* мартовского режима сухим или кратким путем, он получает только обожженный и проституированный камень, а вдобавок

горнило взрывается от насилия операции. Строя империю, мудрейшие правители древности старались соблюдать различие четырех пространственных частей, соответствующих четырем сторонам света. [\[50\]](#) городов и четырех функций. Таким образом, Саргон из Агаде сам был назначен *царем четырех регионов*. Блок был сделан в центре [\[51\]](#), *аналог* квинтэссенции. При своем воцарении короли Тары или пятого королевства Ирландии, которые традиционно обеспечивали сплоченность всего острова, ступили на камень под названием *Лиа Фаил*. Если проситель был законным, камень вскрикивал и временно и символически раскалывался на четыре части, представляющие четыре королевства и четыре северных острова, куда, согласно легенде, *спустился Туата де Данан*. После такого посвящения центральный король никогда не позволял себе терять чувство своей объединяющей роли и уважения, которым он обязан четырем частям Ирландии. Но если $\text{u}\beta\text{r}\text{c}$ суверена заставила его забыть о чувстве центральности, стремясь сокрушить и стандартизировать вместо того, чтобы объединять, то тот самый избыток сплоченности, которого он стремился добиться, спровоцировал взрывной возврат той квадратности, из которой он не знал, что она происходит и откуда происходит. появились.

Воистину, видя, что Америка, в которой господствует $\text{u}\beta\text{r}\text{c}$ наглых хулиганов, ведет себя по отношению к четырем континентам так, как сам Александр никогда не осмелился бы, отбрасывая даже разнообразие стилей в искусстве жизни, было бы чистой справедливостью, если бы он потерпел наказание, которое имеет ангелов в качестве совершенных гарантов, если только его народ не выберет милосердную альтернативу, предложенную Иной.

НЕ БОЛЬШЕ, НЕ МЕНЬШЕ

Мы только что видели эксцессы, запятнавшие работу американских демиургов. Также с такой же серьезностью весы, взвешивающие функции и сердца на картине Вальдеса Леаля, предостерегают алхимика от недостатков. В своем *Hermes dévoilé* [\[52\]](#), весьма милосердный Цилиани рассказывает в чудесном и ужасающем сне, как нимфа уполномочила его служить себе в двух сосудах, содержащих вещества, необходимые для работы художника, *после вскрытия материала*. Поэтому с большим усилием наполнил две стеклянные банки. Рассматривая впоследствии этот первый сборник, его эгерия сделал следующий упрек: «В одном из твоих кувшинов содержится больше андрогинной материи, чем тебе нужно, но ты взял недостаточно астрального духа; вам нужно бесконечно больше. Как говорит Арнальдо де Виланова, необходимо большое количество воды, дистиллированного спирта». Робость в сборе этого звездного духа с самого начала работы привела многих подмастерьев к неудачам. Недаром древние философы давали этому невесомому деятелю имя *духа*, видя, что вселенная состоит, как и человек, из осязаемого *сoмa*, из $\psi\upsilon\chi\eta$, или изменчивой *души*, вместилища эмоций и низшего разума, и из *vous* или *дух*, которого Платон в своей знаменитой метафоре считает возницей запряженной лошадей колесницы. Именно это подтверждает апостол Павел, когда различает плотского человека, в котором действуют только *сoмa* и $\psi\upsilon\chi\eta$, и человека духовного, или умного, который «все судит и никем не судится». [\[53\]](#).

Однако, с точки зрения греков, даже умственное пробуждение было бы недостаточным, если бы оно не было наполнено таинственным Дыханием или дыханием, называемым *πνεύμα*. Индусы цитируют это в своих *Упанишадах*, как и в *Каушитаки*: «Я есть дыхание, ибо я есть сознательное Я; уподобь меня длительности жизни, бессмертному... Ведь этим дыханием достигается бессмертие в этом мире, а через сознание — истинное представление» [\[54\]](#). Такое же различие существовало среди латинских авторов для *corpus, anima, mens u spiritus*.

В конце Средневековья западная цивилизация, похоже, утратила столь четкие представления греков и латинян. Теологи частично смешивали *менс* с душой, и тогда термин *спиритус* безразлично обозначал дыхание и ноэтическое измерение.

Архимики применяли его к спиртам и другим летучим продуктам перегонки. Позже философы «света» видели в нем разум, приложенный к созерцанию явлений. Короче говоря, теософы прошлого века уподобили его тому, что физики называли эфиром, хотя опыты Майкельсона и Морли в 1881 г. продемонстрировали его природу как совершенно иллюзорную и *апостериорную интеллектуальную конструкцию*. Как после стольких недоразумений удержать новичка, впервые прочитавшего алхимические сочинения, от формирования ошибочного мнения о *духе*? Лучше думать, что термин намеренно расплывчат, чтобы завуалировать тайну искусства и не запутаться в предвзятых представлениях.

Многие другие недоразумения не могли не возникнуть у физиков, которые с начала века дивились сходству между тем, что они открыли в лаборатории, и древней мудростью. На протяжении всего обучения им твердили, что это всего лишь пыльные свидетели снов; химеры «дологических» времен. Не является ли тот таинственный *дух*, о котором говорили древние, тройным излучением, исходящим от солей урана или радия, так красиво окрещенных Пьером и Марией Кюри в 1898 году и, казалось бы, бросающих вызов законам термодинамики? Или этот термин обозначал поля, примером которых был электромагнетизм, например рентгеновские лучи, открытые Рентгеном в 1895 г.? Те, кто тогда работал в тигле, не гнушались подвергать свою материю в ее различных фазах преобразования испытанию фотопластинкой или приближать ее к стрелке компаса. Мы сами отдались тогда этим проверкам, не найдя ничего, что могло бы противоречить философам-химикам, урокам которых мы следовали.

У некоторых тогда возникла идея, что алхимия, передаваемая нам из века в век рассеянными адептами от Китая до Древнего Египта, может быть не чем иным, как затемненными воспоминаниями или крохами древней и более совершенной науки, оглушенным эхом какого-то древнего мира. цивилизации, сравнимой с той, которую сейчас помогают осветить физики.

В своих работах г-н Бержье приводит многочисленные примеры таких спекуляций. Во-первых, знание было бы скрыто в результате его пагубного использования. Так индуистская «*Махабхарата*» сообщает нам о вызванном страхе, и после 1945 года пылающее оружие Индры, подобно огню и сере, излитой на Содом и Гоморру, явно вызывало атомное сияние. Со временем, по мере того как эта предполагаемая цивилизация исчезала в памяти людей, выражения, которые уже не понимались, придавался мистический смысл. Те же химики не получили бы своего философского *камня*, но буквально следуя инструкциям и рецептам, но не имея необходимой теоретической базы для понимания своей работы, обречены на слепое повторение операций, описанных их предшественниками.

Переработанная таким образом «атлантическая» легенда, несомненно, была полезна в качестве предостережения и для того, чтобы осознать свою ответственность тем, кто управлял силами на пределе того, что может контролировать человек, и, возможно, также способствовал сдерживанию правительств, чтобы не спровоцировать новый мировой конфликт. Но это также имело извращенный эффект, поддерживая путаницу в отношении *Spiritus Astralis*,

необходимого для работы, позволяя тем, кто таким образом сбился с пути, поверить, что это не что иное, как эффект поля, который, самое большее, вызывает в человеческом мозгу состояния сознания более высокого уровня, чем обычное бодрствующее состояние. Им казалось, что эти состояния, хотя и достигаются более физическими, чем тонкими энергиями, являются результатом подлинной сублимации и составляют алхимическую тайну *par excellence*. Таким образом, убив двух зайцев одним выстрелом, они получили бы, если бы нам позволили, два эффекта от одного Камня: трансмутировать материю и породить сверхчеловека.

Не будем слишком поспешно заключать, что американские демиурги были или остаются агностиками. Не были ли они сначала нашими братьями по науке? Но слишком человеческое и слишком узкое представление о Боге и Его Деле иногда приносит больше вреда, чем пропитанный животными желаниями атеизм. «Малыши, берегитесь идолов», — предупреждает святой Иоанн в конце своего первого Послания. Поселенцы, прибывшие из Англии в начале XVII века, принадлежали в основном к репрессированным в королевстве кальвинистским сектам. С ними пришли более свободные умы, но и более редкие. Потребность, которую они должны были дать гарантии городам, терпящим их, запечатлела в их потомках часть пуританского пессимизма по отношению к природе, того умеренного дуализма, который дает дьяволу больше власти над существами и вещами, чем он действительно имеет. Они думали, что если именно из-за грехопадения Адама смерть вошла в мир, то отсюда и происхождение бесплодия металлов, а также жестокости лишенных разума животных, а также злобы людей. Святой Августин, который был *mancheo*, видел в божественной благодати сверхъестественную силу, способную смягчить внутренние слабости человеческой природы. Кальвин довел эти идеи до крайности, даже делая вид, что все, что Бог не спасет, будет осуждено. И как Христос возвещает, что «много званых, а мало избранных» [\[55\]](#) Вопреки всему они пришли к выводу, что, предоставленный самому себе, космос не приведет ни к чему, кроме беспорядка. Таким образом, природа всегда должна была бы видеть себя искупленной, если бы не была *добавлена* существенная благодать, которую Бог не раздал бы, кроме как из скупой жадности.

В высшей степени опасно подходить к алхимии в этом контексте. С одной стороны, герметические философы рекомендуют следовать путям природы; С другой стороны, они утверждают, что без дара Божия, открывающего художнику, как действовать, его работа будет напрасной. Первая поговорка неприемлема для людей, воспитанных в пуританстве; второе могло означать только личный выбор, и они не могли бы избежать его, если бы пролили свет на искусство и получили первый результат. Их не нужно было подталкивать к тому, чтобы зайти слишком далеко в своих рассуждениях; уподобить этот дар Божий сверхъестественной благодати, возложенной уже не на человека, а на материю. Вскормленные в первых университетах Нового Света библейскими чтениями и естественными науками, те, кого мы отныне будем называть студентами бостонской алхимии, не должны были руководить своей работой в девятнадцатом веке, но несколько трактатов, импортированных по цене золота, но, к сожалению, не кажется, что его читают

самые благотворные авторы. Несчастный дон Пернети имел обыкновение давать ключи к заумному языку сыновей Гермеса, когда он ограничивался добавлением собственных завистливых ловушек ко всем уловкам, уже установленным его господином Иринеом Филалетео. Ведомые такими психопопосами, если можно так выразиться, наши молодые художники должны были невинно бежать от разочарования к разочарованию, пока тексты индусов не стали им доступны. Все было смешано: Изумрудная *Скрижаль* с теми, что были на горе Хорив, закон Моисея с законом природы, и то, и другое воспринималось как безапелляционная милость, как божественная порка, необходимая для того, чтобы избежать падения в бездну; выбор святых среди людей был смешан с выбором камня среди минералов. Совершенная жемчужина не может быть получена — они понимали — иначе как ценой бесчисленных шлаков. Правда, от окончательной трансмутации можно было ожидать спасения тех остатков, которые были отвергнуты на протяжении всего избирательного процесса, но сначала надо было взрастить зародыш Камня за счет всего этого значительного отдыха.

Мы постоянно предостерегали наших студентов от такого толкования герметических писаний, и в этом мы были не единственными и не первыми. Не только бостонские ученики были сбиты с толку тем, что Филалетей настаивал на использовании только драгоценного сосуда, именно тогда, когда он описывает пути или этапы, в которых только работа с мерзким сосудом имеет шансы на успех. Поистине, чем короче путь, тем более вульгарным кажется необходимое дело. Аффинаж обычного золота, чтобы сделать его философским, требует больше времени и труда, чем из низших минералов. В этом смысл притчи о фарисее и мытаре в человеческой алхимии. Первая благодарит за свое совершенство и никогда не перестает сравнивать себя с теми, кого она видит вокруг себя, менее совершенными: как могла она принять открытие, которое должно было уничтожить ее хотя бы на мгновение, чтобы переделать в более высоком состоянии? Второй знает, что он находится внизу шкалы, и поэтому ему не приходится преодолевать столько сопротивлений. Но без отверстия, которое делает из материи сосуд или киворий, как собрать астральный дух?

Применительно к социальной алхимии, которую демиурги, наследники алхимиков Бостона, хотели попробовать, ошибка Филалета привела их к тому, что они увидели в Америке аурифический зародыш Камня, который должен был трансмутировать человечество. Но эта просьба к «избранному народу», кроме того, что заставила его поддерживать все низости и грабежи, продиктованные интересом некоторых промышленников и финансистов, помешала им по-настоящему приступить к раскрытию своего фарисейского дела. Более того, уподобление *астрального духа* божественной благодати, как ее понимает пуританство, то есть выраженное императивным законом вместе с наложением сверхъестественного, как если бы это было печатью, — лучшая услуга, которую эта Америка могла оказать низменной материи или они считали, что обломки работы — остальной мир — подчиняют их какому-то «новому мировому порядку». Предсказуемым результатом

было то, что они собрали очень мало истинного *астрального духа*, слишком недостаточного для хотя бы настоящей алхимической операции.

По поводу своей первой операции Цилиани сообщает нам, что он постепенно выпитывал две металлические природы с астральным духом, и уточняет, что он пришел к «супернатантной материи». Когда он затем приступил к первому разделению, он говорит о высушивании более твердого тела «на солнечном свете». Таким образом, оно любопытным образом совпадает со свидетельствами великих аскетов пустыни, описывающих действие пневматического духа на душу. Они также используют метафору воды для утешения Святого Духа, а метафору сухости и сухости для постов, наложенных свыше на ψυχή. Эти святые владыки духовной жизни, как и философы-химики, определяют, что бесполезно работать с материей, не получившей этой жизненной росы. Сухость пустыни действует только для души, открытой νοῦς и наполненной пробуждающим ее к жизни πνεῦμα. Душа, иссохшая от древней сухости смерти, могла бы лишь застыть, как кожа, забытая на чердаке. Это правило справедливо для всех предметов. Поэтому, если кто-то отваживается воздействовать на коллективную душу человечества, то насколько же более следует призвать и собрать с величайшей осторожностью тот Дух-Утешитель, о котором говорит Евангелие, чтобы излить его на нее!

Бостонские ученики не совсем не знали об этой необходимости, но они, кажется, перепутали различные духи, о которых идет речь в алхимических текстах, которые они кропотливо собирали и расшифровывали с 1945 года, сохраняя при этом первоначальную путаницу между душой, ноэтическим духом и пневматическим духом. ., между *анимой, менсом и духом*; в материи, между духом и единым полем. Если художник делает ошибку, которую упрекает Цилиани, и с самого начала собирает слишком много астрального духа, уже известно, что существуют различные разделы, чтобы заставить их расти. Мы не будем обсуждать их здесь, опасаясь, что это усилит путаницу, которую мы только что вызвали. В социальном плане первым следствием этого дефекта было то, что г-н Гоше осудил как «высыхание мира», возложив ответственность за это на «иудео-христианскую» традицию в целом. Это иссушение происходит только от слишком узкого и почти двойственного понимания этой традиции. Но понимая, что они рискуют работать со слишком сухим «материалом», наши демиурги искали эквивалент вспомогательного вещества, используемого при работе с минералами. Поэтому они одобряли развитие доктрин и практик, предназначенных, по их мнению, для излияния души и подготовки ее к тому, что они считали приемом духа. В 19 веке они поощряли спиритизм — *спиритуализм по-английски!* — остановить продвижение атеизма; в нашем веке *Новая Эра* извлекла выгоду из всех своих преимуществ. В обоих случаях вместо настоящего бренди был взят заменитель, возможно, смягчающий, но ни в том, ни в другом случае он не был почти оживляющим. Насыщенная этой косной водой материя не утоляет пыл своей жажды и уже не в силах воспринять истинную росу.

Мы проверяем в истории, что есть цивилизации, погибшие из-за сухости и бездуховности. Древние этруски, достаточно дружелюбный по своему

происхождению народ, судя по их погребальным фрескам, заменили его обрядностью и мелочностью в гадании. Беспокорство, которое эта практика не могла не вызвать, прогрессивно возростало, и искусство показывает нам душу этого народа, захваченную горгонами и пожирающими джиннами, поддающуюся бремени их ужасов. Кое-что из всего этого перешло в Рим, приняв даже в культуре богов форму возвышения юридического. Говоря о римской религии, г-н Кереньи справедливо замечает, что ей недоставало мифологии и искусства. [56]: Они взяли все у греков во времена Августа, когда великий поэт Вергилий искал себе модели у Гомера. До него, за исключением некоторых рассказов о приключениях Геракла, все религиозное концентрировалось в *pietas*, наборе полуритуальных или юридических и полуморальных обязательств, соблюдения которых было достаточно, как считалось, для удовлетворения богов. и обеспечить добросовестное шествие по городу. Известно, в каком беспорядке потерпела кораблекрушение Римская республика, а также, несмотря на блестящее правление Августа, первый период империи, до династии Антонинов не придал ей вновь очертания.

Тот самый беспорядок, который преследует любое общество, которое к тому же высохло, подчинено педантичной империи правил, лишено жизненной сущности веры и усилено чисто психическими заменителями, растет в это время, сначала в Америке, а затем в результате напряженности, которую возлагает на весь западный мир. Причину тех зол, которые социологи называют *аномией*, пытались найти в развитии профанной науки или в грохоте промышленной машины, в преобладании экономического над политическим и, в последнее время, в изобретение компьютера Самогон! Ни римляне, ни этруски не пользовались механикой, они не изобрели ни фондовый рынок, ни электронику, и их общества тоже впали в тоску, разгул и потерю вкуса к жизни. Аномия происходит от *ανομος*, что означает без закона, без обычаев или без образа жизни, но также и *без пастбища*. Крах органических социальных структур в пользу беспорядка, или того, что современная наука назовет энтропией, происходит от потери лугов души, то есть питательной *зелени*, *изумруда* философов. В средневековых романах лекарство от *истощенной* земли, то есть высушенной и бесплодной в результате боевой ошибки, *болезненного удара*, находится в поисках Грааля, который Кретъен де Труа описывает как *карбункул*, а Вольфрам фон Эшенбах в виде *изумруда*. Мы уже достаточно говорили в наших предыдущих работах об этих цветах Камня или Соли, и мы не собираемся возвращаться к этому здесь. Символы зелени и ослепительного блеска также встречаются в *Ars brevis* или *Ars magna* Раймонда Луллия и у более поздних авторов.

Древние общества, до которых дошла аномия, не могли выпрямиться, пока недостаток Духа не стал сознательным и крикливым даже в недрах. Затем мы видим, как они истощают одну за другой все заменители, мистериальные религии, гнозис, секты и культы, каждая более странная, высасывая из этих труб тонкую струйку живой воды, которую они могли дать. Когда через еще зарождающуюся Церковь они, наконец, достигли более обильного источника, они обновились до такой степени, что историки различают две почти разнородные цивилизации, до и после Константина.

Запад находится в крайней точке, где жажда становится достаточно сильной, чтобы ее можно было почувствовать, и где люди ищут мельчайшую каплю зелени, чтобы утолить ее. Умножение «мягких» сект, практик или терапий напоминает раздавленные толпы в храмах Эскулапа, а импорт буддизма или йоги из Индии отвечает тому приему, который Рим оказал школам мистерий Фракии или Малой Азии, или из культа элевсинской богини. Как и в империи первых веков, политические власти переходят, не зная почему, от репрессивного недоверия к толерантности, может быть, потому, что при такой сухости сознание жажды входит в народ, как в горниле начинается алчность. в глубинах материи. Невозможно предсказать, как долго продлится эта фаза или какие точные формы она примет: они будут варьироваться от самых бредовых культов и самых тупых фундаментализмов до самого мудрого гнозиса, не способного удалить извращенную магию или провокацию тьмы. от их следов. Все, чему учит нас исторический опыт, это то, что ничто не остановит этот беспорядочный поиск, *ничто*, ни законы, ни гонения, ни рациональные или нравственные рассуждения, ни поверхностные соблазны благополучия, ни магические воздействия, пытающиеся направить его в русло, пока народы не нашли истинного Источника и не поливали из него.

Но когда они вкусят этой воды, они поймут, что старые идеологические, социальные, политические, экономические и даже религиозные структуры будут глубоко преобразованы, что верно и для Церквей, вынужденных отказаться от лишнего под властью потока, пусть они проходят. Это время, о котором пророчествовали Осия и Иоиль: «Огонь пожрал траву пустыни, и пламя сожгло все деревья в поле. И звери полевые вздыхают о Тебе, потому что иссякли потоки вод и огонь пожрал траву пустыни». [\[57\]](#); «Дела их не позволяют им возвратиться к Богу своему, потому что дух блуда среди них, и потому, что они уже не знают Господа... Они пойдут со стадами меньшими и большими искать Господа, но они его не найти» [\[58\]](#). Затем следует совет воззвать к Богу: "После всего этого изолью Дух Мой на всякую плоть..." [\[59\]](#). Эти пророчества о Дне Господнем, завершающем и обновляющем мир, имеют ценность как образец для любого возрождения как материи, так и цивилизаций. Источник не узнается, кроме как по жажде, а жажда не действует до тех пор, пока не достигает достаточной степени интенсивности, подпитываемой не только сухостью, но и памятью о свежести вод. До тех пор будут тестироваться только аберрантные источники, поскольку более зеленая зелень и более магматическая вода больше недопустимы.

Как империя Константина не отказалась от достижений римской цивилизации, так и нынешняя цивилизация не должна будет отказываться от своих научных и технических открытий, чтобы получить Дух. Без сомнения, после его излияния смысл и назначение современного знания будут переориентированы; но было бы весьма странно и вредно, если бы они исчезли. После распределения, проведенного императором Феодосием, не христианство империи вызвало регресс в западной части, с другой стороны, менее значительный, чем предполагалось; они были разрушениями, порожденными войнами за престолонаследие и амбициями Аттилы, а затем драками франкских королей. В северной Галлии они были особенно

свирепы; и многие знания были потеряны. Юг был пощажен до 8 века , где сохранились искусства и науки; а также в Ирландии. Думать, что духовное обновление сметет людей нашего времени, значит все же верить, что именно в них пребывает грех века и причина иссушения; быть ослепленным в совпадении фактов и смешивать их с причинами, всегда более тонкими и глубокими, чем то, что думает обыватель.

УМНОЖЕНИЕ

Канонически выполненный и художник достиг своей цели, великая работа не заканчивается получением Камня. Необходимо еще раз возобновить работу по ее очистке и совершенствованию. С каждым *оборотом колеса* время работы сокращается. Нам было любопытно измерить продолжительность этих оборотов колеса с большей точностью, чем это относилось к показаниям предшествующих нам авторов. Она меняется больше, чем колеблются скорости простых химических реакций, но движение от одного оборота колеса к другому, по-видимому, подчиняется *экспоненциальному закону*, который уменьшается со временем и увеличивается со скоростью. Поскольку алхимики рекомендуют следовать путям природы, у нас также была интуиция, чтобы сравнить параметры с теми, которые возникают в результате изучения космической эволюции или появления живых видов. [\[60\]](#). Они такие же, как мы уже думали с самого начала. Таким образом, мы получили дополнительное подтверждение того, что истинная Великая Работа есть та, которую божественный Художник совершает над созданным им космосом и которую он не перестает совершенствовать.

Однако мы замечаем разницу между тем, что алхимик имеет возможность делать в своем горниле, и тем, что делает единственный истинный Художник. Когда мы доводим материю до ее совершенства, мы должны ограничить себя максимум десятью оборотами колеса, потому что тогда Камень становится таким тонким и изменчивым, что никакое материальное вместилище не может больше его вмещать, а распространяется по всей вселенной, таким образом выходя за пределы вмешательства, нашего искусства [\[61\]](#). Уже при втором повороте колеса или при третьем он имеет не твердость стекла, а мягкость воска. На пятом мы получаем жидкость, и чем больше мы итерируем, тем больше она становится летучей. Эти фазовые переходы — говоря языком современной науки — подчиняются не обычным законам и не зависят только от температуры или внешнего давления, а от чистоты того тела, которое невозможно определить по таблице Менделеева. То, что похоже на наши обороты колеса во Вселенной, между двумя стадиями творения, уже давно прошло десять судьбоносных повторений, не улетучив свою материю.

Космическая Работа, по-видимому, имеет два временных компонента: один циклический и периодический, а другой экспоненциальный. Если мы продолжим на нашей Земле кривую, полученную при рассмотрении дифференциации видов, мы получим даты, или, точнее, диапазон дат великих открытий, глубоко изменивших человеческие общества, таких как появление земледелия, письменности, использование металлов или философской абстракции в обычном смысле этого слова. Вступает в игру третий компонент, тот, который мы вызвали, показав, что в различные моменты истории применялись модели, открытые пророками. Речь пойдет о вневременных моделях, которые проявляются, чтобы исправить коллективную потерю или обеспечить переход между различными фазами Работы.

Человечество входит в критический период экспоненциальной кривой. До сих пор поворот колеса Великого Художника разворачивался на протяжении нескольких поколений, а еще до того на протяжении нескольких столетий или тысячелетий. В последнее время они длились меньше жизни человека, а это значит, что в срок, неисчислимый из-за вариационных вилок, но относительно скоро, *порядка двадцати-тридцати лет*, процесс станет буквально взрывоопасным. Речь не идет о вступлении в *эпоху Водолея*, о чем громко заявляют те, кто учитывает только циклическую составляющую. Прецессионный год проходит не по одним и тем же «знакам», а по реальным созвездиям: Рыбы, Овен, Козерог, видимые с Земли, образуют перекрывающееся целое, как чешуя черепахи, таким образом, что вхождение точки весны в Водолее произойдет около 2100 года, а окончательный уход Рыб около 2700 года. То, о чем мы сейчас говорим, является решающим узлом *экспоненциальной составляющей*.

Нынешние попытки сообщить об этом исключительном фазовом переходе в более удовлетворительную дату по низшей причине, как этот 1999 год, в котором мы находимся, или 2000 год, который рисует круглую дату в календаре, не имеют никакого смысла. Было напрасным усилием вычислить год 1 Деисом Меньшим по историческим указаниям евангелий: мы знаем, что он ошибся, по крайней мере, на три года, если не на шесть или семь. Если отсчитывать от истинного рождения Христа, 2000-й год на самом деле будет 2003-м или 2006-м... Но оставим эти ребяческие нестыковки. Тень будущего, о которой говорит апостол Павел, проецируется на человечество через двадцать или тридцать лет достаточно сильно, так что каждый уже чувствует настойчивое прикосновение. Человечество бежит к исключительной трансмутации, природу которой никто не знает. Это то, что ветхозаветные пророки называли *днем Господним*? В Священном Писании этот термин относится к каждому из божественных вмешательств, в которых Художник действует непосредственно в своем космическом тигле, от ограничений, установленных для высокомерия людей, до последнего Дня, когда пространственно-временная структура будет содрогаться и трансформироваться. К этому мы и движемся, прежде всего в Мужской день, явлению квинтэссенции в форме, соответствующей ее природе.

Этот переход тем более важен, что он зависит от нас, от того, кто мы есть, и от нашего *указа* в той же мере, в какой он зависит от прикосновения божественного

Художника. По этой причине беспорядочные демиургические усилия, которые мы разоблачали на этих страницах, намеренно кажутся нам такими незначительными. Было бы в тысячу раз лучше оставить природу свободной, чем пытаться нарушить ее: сопротивление, которое не перестает возникать против этого паразитического давления, делает решающий переход более опасным и, возможно, более болезненным. Неудача не может быть исключена. Это означало бы не уничтожение человечества или потерю всех его завоеваний — хотя существовал бы риск технического регресса, если бы к этому примешивалась война, — а, скорее, потерю духовного напряжения, накопленного *с момента возникновения мира*. Мы не думаем, что дело дойдет до этого. Наоборот, начиная с умножения сект и лжепророков, все показывает, что духовная жажда слишком глубока, чтобы переход из-за иссушения и отсутствия брожения полностью провалился.

Когда в лаборатории происходят такие критические фазы, случается, что действующие силы слишком велики для сопротивления как алхимического сосуда, так и содержащего его тигля, и все взрывается. Но сосуд природы был предвиден божественным Художником согласно его Работе; даже грехопадение Адама не могло разрушить фундаментальное единство. Итак, не будем бояться уничтожения человечества или Земли, которая его носит, ибо это значило бы усомниться в пророческой Мудрости, дающей бытие и становление творению и вынашивавшей под своим крылом прежний хаос. светлый. Единственное, чего мы можем опасаться, если исключить духовную дефляцию или взрыв, это того, что сопротивления не сделают переход бесполезно болезненным или что полученная квинтэссенция не будет содержать слишком много нечистых излишеств.

Уже на этой стадии алхимик совершенно свободен от требований слишком многого к своему предмету, несмотря на то, что он может попытаться внести некоторые окончательные исправления. Но то, что появляется в нашем горниле, есть не что иное, как обещание грядущего, которое в совершенстве знает только божественный Художник. Вмешиваться с ограниченным пониманием космического процесса в то, что может быть только Его Делом, было бы и безумным безрассудством, и суетой суеты. Никто не может разумно полагать, что он призван к такой задаче, даже если он думает, что получил определенные знания для выполнения работы. В такой День они были бы всего лишь иллюзиями.

Мы должны указать существенный момент для такого проведения работы, как милосердное предостережение тем, кто поглощен демиургическим честолюбием, особенно если они воображают вести мир к высшему благу и кипят негодованием Илии перед идолопоклонниками. Когда художник рушит алхимический процесс, следуя *каноническому пути*, он следует проторенной и неизменной тропе, и все же он делает это совершенно свободно. Один из источников ошибок, накопленных начинающими американскими философами, которые мы не перестаем разоблачать в этой работе, мог быть связан с переводом *канонического пути* английским *правилом*. Канонический термин происходит от греческого *κανον*, что само по себе есть не что иное, как импорт в эти языки аккадского *kanûn*, что означает тростник, тростник — если только это слово не является еще более архаичным и происходит из

шумерского. В стране дельт, лишенных деревьев, архитекторы храмов использовали тростник или стержень для измерения, и именно от этого *кануна* идет прямая линия стержня мастеров-строителей. Таким образом, изначально это стандартная мера, а не юридический закон. Алхимия сохранила первоначальное значение термина: канонический путь — это прежде всего способ действия, меры которого уже известны и испытаны. *Ни больше, ни меньше*.

Епископы, которые использовали термин *канон* для обозначения дисциплинарных решений соборов, все же понимали первоначальное значение. Они не использовали *lex*, письменное и императивное регулирование; они знали, что ограничиваются указанием на справедливые меры, диктуемые духовным опытом, и что они получили авторитет родителей, советников или педагогов, а не законодателей. К сожалению, значение английского *правила* гораздо ближе к *lex Romana*, внешнему, чем к *kanon*, которое является простой полезной мерой. Лучше бы они *через канонический переводили стандартным способом*.

В своей лаборатории художник свободен, совершенно свободен от своей работы, в том числе и от собственных ошибок, благодаря которым он учится отличать возможное от невозможного. Ничто не *мешает ему* попробовать, как бы это ни было нелепо и неумело, плавить сталь без предварительной подготовки в газовой плите или раздавить горный хрусталь зубами, как лесной орех. Но перевод *канона* правилом *был бы* эквивалентен замене различия между возможным и невозможным на различие между разрешенным и запрещенным. Эти заметки, действительные для светской науки, необходимы в алхимии, и насколько они более применимы к Работе божественного Художника! Согласно постоянным комментариям раввинов и Отцов Церкви, *Tora*, данная Богом Моисею, была каноническим путем, духовным и ритуальным оперативным средством; а не внешнее или внутреннее принуждение. Если бы это было внутренним ограничением, мы бы вплели его в нашу природу, как гравитация интегрирует структуру пространства. Если бы он продиктовал это как порочный и принудительный *lex external*, то как можно было представить, что он не выставил бы себя жандармом, чтобы за первым проступком тотчас последовало наказание? Выжил бы тот самый Моисей, который, только что получив приговор «Не убий», выгравированный на Каменных скрижалях, приказал избить в поле 3000 человек? Не было ли вашей ошибкой принять за закон фараона, за различие между дозволенным и запрещенным, божественное откровение о наиболее полезных поступках для духовного роста человека? Что же касается «законов природы», то зная и соблюдая те из них, которые действуют внутри элементов космоса, понимаемый человеком, всегда отличает возможное от невозможного.

С доисторических времен человек прокладывал тропы в джунглях и горах. Он знает по опыту, что лучше следовать за ними, чем заблудиться далеко от стана, в который он направляется; чем идти прямо к пропасти. Ни указ, ни диктаторский путеводитель не запрещают ему сойти с пути, но он сам на собственном опыте осознает полезность пути, установленного его старшими. Но человек свободен, свободен прокладывать новые пути, свободен резвиться на граничащих с ними лугах и ходить и дышать цветами. Когда мы используем метафору дороги или пути в

алхимии, определяя ее как каноническую, мы понимаем должным образом репертуарные процессы, в которых были распознаны и обозначены трудности. Ничто не убеждает нас в том, что герметисты проследили и описали *все* возможные пути. Но у нас есть уверенность, рожденная опытом всех художников, что, удаляясь от канонических путей, мы можем найти новые и плодотворные способы действия, но, скорее, мы найдем опасности, тупики или пути, ведущие только к бесовскому. духовное вложение..

No impide que sea inflexible la libertad de la persona que expresarse en su alchemical camino. La духовная дисциплина a la que, cargado de razón, obligue el artista, no tiene nada de una autocensura. Como tan bien lo dice Жан-Орель Огурель:

Так другие, которые переживают самые важные вещи

Уже пора было глазеть на верхнюю кулинарию

Узкий путь, никогда не прямой путь;

Отклонено ни до вашего входа, ни до

Они хотели остановиться, у них была возможность прикоснуться к тебе, пока ты был счастлив

Наконец-то долгожданное завершение сезона.

«Что касается до остального, то те, которые благодаря своей практике сочли удобным заранее обдумать, что в конце концов будет лучшим из того, что они искали своим трудом, *избрали* идти узким путем, избранным с самого начала, никогда не отрываясь от прямой линии, проходящей между бэккантри-тропами и не останавливаясь перед концом». [\[62\]](#)

Следовательно, именно потому, что они поставили перед собой цель после того, как предвидели ее, они склонились перед правилом или каноном искусства по разуму, а не по моральному долгу; по свободному выбору, а не по принуждению. Авгурель не очерняет пересекающихся путей и запрещает их ученику; это просто подчеркивает его бесполезность для любого, кто хочет добраться до Камня. Эти пути и есть то, что мы называем *мелкими частностями*. Они не доводят до конца, но ничто не мешает художнику исследовать некоторые из них мимоходом; Это было только для того, чтобы усовершенствовать свои знания о природе или отметить для потомков те, которые никуда не ведут. Однако время для нас истекает. Кто захочет туда попасть, разумно поймет, что лучше ограничить странствия, а то и вовсе отказаться от них, чтобы посвятить свои силы поискам драгоценной жемчужины. Правила искусства, почерпнутые из опыта древних герметистов и из божественного откровения, представляют собой не что иное, как свод практических советов, чтобы не заблудиться, и не более того. Как и правила дорожного движения, они направлены на предотвращение несчастных случаев и, если их соблюдать, фактически увеличивают свободу путешественников, и не в совокупности всех, а каждого в отдельности.

Материя также имеет свою свободу, которую современные физики признают и выражают как принцип неопределенности или, лучше сказать, неопределенности. Чем выше мы поднимаемся в сферах, тем больше увеличивается эта свобода. В

первой главе Бытия божественный Художник действует тремя способами. Мы читаем: «В начале сотворил Бог...» — законный глагол, употребляемый также для дел человеческих. Еврейские раввины говорят нам, что в иврите глагол *бара* , встречающийся только в этой книге и нигде больше, сохраняет всю свою тайну, поскольку может иметь только одно подлежащее: Бог. Только позже он *скажет* , и то, что он называет, явится в мире труда, так как он разделяет или, вернее, различает. Величайшие комментаторы считают, что этот глагол *bará* обозначает дар быть свободным. Ведь оно употребляется только в трех случаях: при сотворении первозданного хаоса, при появлении животных и при рождении человека. Между первыми двумя *bará* , в каждый из Дней, Бог «видел, что это хорошо», почти пассивное или созерцательное одобрение. После второго *бара* , а затем после тройного *бара* , пробуждающего человечество, Бог благословляет творение, тем самым накладывая на вселенную действующую печать, которая позволяет ей «расти и размножаться». И в этом благословении заключается вся Великая Работа.

Оглавление

[Палуба](#)

[Финиш Gloriam Mundi](#)

[Предисловие](#)

[Обложка](#)

[Вступление](#)

[Финиш Gloriam Mundi](#)

[смена полюсов](#)

[алхимический секрет](#)

[Путаница относительно предмета мудрецов](#)

[Изумрудная табличка](#)

[Сопротивление материи](#)

[Не больше, не меньше](#)

[Умножение](#)

[Оценки](#)

Оценки

[один] *Л'эр дю Версо* . Есть новое издание, исправленное и дополненное Жаком д'Аресом, в Editions Dervy, октябрь 1999 г. [≤](#)

[2] В том же порядке идей можно было бы вызвать и другую заразу, по крайней мере столь же грязную, какой был сталинский коммунизм. Если сравнивать с нацизмом, то, к сожалению, достаточно сравнить количество жертв с каждой стороны. Все это составляет неотъемлемую часть бесчисленных человеческих глупостей нашего 20 - го века , которые Фулканелли не смог исчерпывающе перечислить. [≤](#)

[3] *Н. дель Т.* : Организация французского радио и телевидения. [≡](#)

[4] *Н. дель Т.* : Compagnons des Devoirs du Tour de France (традиционная ассоциация гильдий различных профессий, базирующаяся в Париже рядом с церковью Сан-Джервазио и Сан-Протасио) проходит всестороннюю профессиональную и человеческую подготовку в качестве школы-интерната. Кандидаты в «дежурные компаньоны» путешествуют по стране (это *тур де Франс*), изучая свое ремесло у постоянных компаньонов повсюду. Они не знают безработицы. <<

[5] Репродукцию картины Вальдеса Леаля « *Finis Glorae Mundi*» можно увидеть в Интернете, на веб-сайте изданий «Liber Mirabilis» и скачать бесплатно. Интернет: <http://www.liber-mirabilis.nu>. ≤

[6] Европейский центр мифов и легенд: Л'Иль-де-ла-Сите, 11000 Каркассон - Тел.: +04-68-25-2096 - Факс: +04-68-79-80-34. Интернет: <http://www.mnet.fr/carcasun>. [≡](#)

[7] Жак Бержье и Луи Пауэлс, *Утро волшебников* (El retorno de los brujos), Париж, 1961.

[≤](#)

[8] Аллан С. Уилсон, Ребекка Канни и Марк Стоункинг, «Митохондриальная ДНК и эволюция человека», *Nature*, vol. 325, 1987. [≤](#)

[9] *Философские резиденции*, томо 2, стр. 208 издания 3.^а. [≪≪](#)

[10] *Н. Т.* : Tendre (Нежность) — воображаемая страна, придуманная французскими романистами в XVII в. Они составили утопическую карту этой страны с аллегорической топонимией, соответствующими населенными пунктами (Тендр-сюр-Эстим, Тендр-сюр-Реконнасанс, Жоли-Верс...) и т. д. [↩](#)

[11] Иша Шваллер де Любич, *Хер-Бак «ученик» египетского мудреца* , Фламарион, Париж, 1956, с. 165. [≤](#)

[12] *Махабхарата* , Книга III. [≪≪](#)

[13] Все уже знают, как перевести эту аббревиатуру на латинский девиз *Visita Interiore Terre Rectificando Inveniens Occultum Lapidem* . Его самая милосердная графическая иллюстрация находится в классической работе Бэзила Валентина « *Les douze clefs de la Philosophie* », удачно воспроизведенной в современном переиздании «Ed de Minuit».

[≤](#)

[14] Роберт Фладд, *Utriusque cosmi historia* , 1617. На иллюстрации показаны деления шейки виолы. [↵](#)

[15] На иллюстрации к двенадцатой эпиграмме *Quête chimique* , возвращенной во втором издании « *Atalanta fugiens* » Мишеля Майера , философ изображен вооруженным фонарем, идущим по следам природы, представленным нимфой, которая предшествует ему в дорожка. Поэтому именно наблюдение за природными процессами и их расшифровка должны руководить художником, а не какое-либо предвзятое представление о мире. ≤≤

[16] Гёте, *Второй Фауст* . [≪≪](#)

[17] Римлянам 8,22. [≪](#)

[18] «Суровые времена на свете — всеобщее прелюбодеяние — время топоров, время мечей — щиты расколоты — времена бури, время волков — прежде чем мир развалится: — никто — никто не спасется». *Völuspá* , строфа 45. Перевод Режиса Бойера. *Поэтическая Эдда* . Фаярд, Париж, 1992 г. <<

[19] Что касается Средневековья, мы думаем, в частности, об Иоанне Солсберийском, Кретьене де Труа, Аллене де Лилле или Раймундо Лулио, не забывая при этом об Альберто Маньо. Трактаты на арабский язык редко переводятся, но мы могли бы с пользой для себя прочесть «*O* всеобщем человеке» Абд аль-Карима аль-Джили в переводе Тита Буркхардта, Лион, 1953. [≤≤](#)

[20] Лучшее переиздание этого текста можно найти в Nicolás Flamel, *Le Livre des Figures Hiéroglyphiques*, за которым следуют *Le sommaire philosophique* и *Le désir désire*, предисловие Эудженио Канселье, SGPP-Denoel, Paris 1970. [≤≤](#)

[21] Иов 38,11 и Псалом 104,9. [≡](#)

[22] II Петра, 3,5-7. [≪](#)

[23] Грегориус Турский, *Historia francorum* . [≪≪](#)

[24] Жан-Пьер Вале и Винсент Куртильо, «Les inversions du champ magnétique terrestre», *La Recherche*, № 246, 1992. [≤≤](#)

[25] Псалом 89.4 и 2 Петра 3.8. [≪](#)

[26] В повествовании он написал в сотрудничестве с г-н Андре Ruellan. [≤](#)

[27] Матфея 17, 1-9; Марка 9, 2-10; Луки 9, 28-36. [≡](#)

[28] *Les Demeures Philosophales* , том 1, стр. 147 3-го издания. [≡](#)

[29] Там же , с.115. [≡](#)

[30] Мы были приятно удивлены, читая Atorène, *Le Laboratoire alchimique, Trédaniel*, Paris 1981, пронизательной ясностью, с которой он направляет неопитов, никогда не выходя за пределы благоразумия. ≤≤

[31] Матфея 6, 6. [≡](#)

[32] Валентин Андреэ, *Les noces chymiques de Christian Rosenkreutz* (Алхимические свадьбы Христиана Розенкрейца , изд. Obelisco, Барселона, 1996). [≤≤](#)

[33] Коринфянам 3:15; 15.52. [≡](#)

[34] Иеремия, 4.10. [≪](#)

[35] Матфея, 24,36. [≡](#)

(36) «Песня против негодных критиков закона». // Что ты прочтешь в этом стихе, я быстро решу .

[37] *Les Demeures Philosophales* , том 2, с. 350 де ла 3-е издание. [≤](#)

[38] Only los tintoreros de Israel podian, sin black sobre su cabeza la celeste, blanquear la lana en la sangre del cordero; pero en este caso se работают над одной практической практикой. ≤

³⁹Бытие 18:23-33 19, 1-29. [≡](#)

[40] *Н. Т.* : Архимики, а не алхимики. Архимики также пытались трансмутировать металлы, но экзотерическими или чисто химическими средствами, например, описанными в этом отношении выдающимся ученым Марселен Бертело и т. д. [≤≤](#)

[41] В Матфея 20,30 и Марка 12,25 используется греческое *αλλ εισιν ως αγγελοι*, очень расплывчатое выражение, предполагающее, что люди будут такими же, как ангелы. В Луки 20,36 более изящным языком указывается *ισαγγελοι γαρ εισιν*, «они будут равны ангелам». Речь идет не о смене человеческой природы на ангельскую и не о простом вопросе полового воздержания. <<

[42] *Махабхарата* , Книга VI. Обратите внимание, что эти стихи относятся не к «ужасному оружию Индии», а к преображению Кришны. Для г-на Оппенгеймера смертоносный свет бомбы был откровением о величии материи. Никто еще не знал, какими будут последствия. [≤≤](#)

[43] Сетон, *Les oeuvres de Cosmopolite* . Перевод Антуана Дю Валя, Париж, 1669 г. [≤](#)

[44] Эйрене Филалет, *L'entrée ouverte au palais fermé du roi* , Амстердам, 1667, глава 23, сс. (Есть испанский перевод: *Открытый вход в Королевский дворец* , Изд. Обелиско, Барселона, 1986.) [≤](#)

[45] Его корыстные интересы привели его к поиску благосклонности союзников и, следовательно, к необычным уступкам, чтобы заручиться поддержкой, которая позволила бы ему быстро восстановить Россию, разрушенную немецким вторжением, и военными усилиями ей пришлось снабжения для обеспечения победы под Сталинградом. Мы не приносим никакого удовлетворения советскому диктатору; не менее верно и то, что именно г-н Трумэн намеренно ужесточил свой тон в 1947 году и осудил, не говоря так прямо, ялтинские соглашения, подписанные его предшественником. Что бы ни думали об этом периоде истории, который мы созерцаем с такой же философской отстраненностью, как и любой другой, факты есть факты. <<

[46] Савиньен де Сирано Бержерак, «Histoire des Oiseaux» в *L'autre monde, Histoire comique des Etats et Empires de la Lune et du Soleil* , 1667, переиздание Жан-Жака Повера, Париж, 1962. [≤≤](#)

[47] Мы следовали здесь переводу Андре Шураки, который появился в 1975 году в Desclée de Brouwer. Что же касается пророческих книг, то они обладают огромным достоинством, заключающимся в том, что они не одобряют никаких предвзятых толкований, любого взгляда на теологическое господство, придерживаются текста почти буквально и адаптируют только грамматику. ≤≤

[48] Отметим, что видение имело место в одном из трех священных городов Персидской империи. Парсагадеш представлял происхождение династии Ахеменидов; Персеполь, еще один другой Парсагадеш, которому историки оставили его греческое имя, чтобы отличить его от первого, был царской столицей персидского народа; Сузы, или, лучше сказать, Шуш, были древней столицей империи Элам и символизировали союз цивилизаций Плодородного Полумесяца под эгидой Кира, которого все признавали «помазанником Господа» и просто защитник народов. <<

[49] *H. T.*: Пикрохол — персонаж « *Гаргантюа* » Рабле . Оно происходит от греческих слов *picros* — горький и *kholé* — желчь. Рабле клеймит этим персонажем захватнические войны — в нашем тексте это ссылка на США — так что *la guerre picrocholine* обозначает весь этот эпизод с Гаргантюа. [≤≤](#)

[50] *H. из T.* : Французский оригинал говорит *quartiers* , то есть кварталы, окраины, предместья, предместья, за стенами и т. д. Это на самом деле четыре части, на которые плуг волов, очерчивая перпендикуляры *cardo u decumanus* , будет делить пространство города с самого момента его основания. Одним из последних (или последних) традиционно основанных городов был город На-Сра-де-лос-Буэнос-Айрес в Аргентине. ≤

[51] *Н. дель Т.* : Называется *tundus* , расположенным в *перекрестке decussus* или *cardo* (латинское «шарнир», ось мира север/юг) и *decumanís* (латинское «десять рук», крест иерофанта с раскинутыми руками, чья тень в земле, направленной на ось восток/запад). Место первоначального алтаря, оно могло включать подношения по обету, традиция, собранная с церемонией «первого камня». <<

[52] Cyliani, *Hermes dévoilé*, Локкен, Париж, 1832 г., превью. [≤](#)

[53] 1 Коринфянам 2,15. [≪](#)

[54] *Каушитаки Упанишад* , перевод Жана Варенна в *Le Veda* , Деноэль, Париж, 1967 г., переиздание Les deux Océans, 1984 г. [≤](#)

[55] Mateo 22.14. 104. [≤](#)

[56] Шарль Кереньи, *Античная религия*, Георг, Женева, 1957, гл. VI. [≤](#)

[57] Иоиль I, 19-20. [≡](#)

[58] Одас, 5, 4 и 6. [≤](#)

[59] Джоэл, 3.1. [≤](#)

[60] Мы придерживаемся дарвиновской доктрины не по этой причине. Но насколько эта интерпретация, вряд ли научная и жалко метафизически бесплодная, ни на секунду не удерживает нашего внимания, тем более должны подтверждаться факты, то есть преобразование Вселенной из века в век, Земли и того, что живых существ, которых оно носит в своей груди, в соответствии с процессом божественной Работы, превосходящей и превосходящей разум человека. ≤

[61] Возможно, одиннадцатый оборот колеса был бы мыслим, если бы мы могли использовать, как в ядерной физике, магнитное удержание. Но кроме того, что необходимые манипуляции по его установке как раз в момент вылупления Яйца создают трудности, которые до сих пор кажутся нам непреодолимыми, это будет последним пределом. Все говорит нам о том, что даже черная дыра не сможет удержать ее в двенадцатом вращении. <<

[62] Ioannis Aurelii Augurelli P. Ariminensis, *Crysopoeia et Gerontico* , Basilae, 1518. Мы перевели этот отрывок, потому что перевод на классические стихи, которым мы обязаны Франсуа Аберу, показывает нам непонимание его герметического значения.

[≤](#)